

A close-up, high-contrast image of a woman's face. Her right eye is a vibrant, glowing green, while the rest of her face is rendered in warm, golden-yellow tones. The background is dark and indistinct.

18+ БИГЛИИ ОЫШ

Майна

С ГЛАЗАМИ, ПОЛНЫМИ ЛЮБВИ

Василий Дыш
Тайна с глазами,
полными любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48447764
ISBN 9785005061409*

Аннотация

У нее есть имя, но ее нет. У нее есть тело, но ее нет. У нее есть жизнь, но ее нет. Такие условия ей были поставлены для беспрекословного выполнения. Она Тайна, она есть, и у нее есть любовь.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	73
Глава 13	76
Глава 14	79
Глава 15	83
Глава 16	89
Глава 17	93
Глава 18	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Тайна с глазами, полными любви

Василий Дыш

© Василий Дыш, 2020

ISBN 978-5-0050-6140-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Разрешите ее для вас представить. Она – Тайна. И это ее условное имя появится чуть позже в повествовании. Тайна – так назвала ее однажды мама, не родная, а та, которую она обрела потом, когда открыла для себя мир настоящей дружбы и любви.

У нее есть имя, но ее нет.

У нее есть тело, но ее нет.

У нее есть жизнь, но ее нет.

Такие условия ей были поставлены для беспрекословного выполнения. Она Тайна, она есть, и у нее есть любовь. Она останется Тайной и после этой книги. Так необходимо тем, кто охраняет этот секрет всю ее жизнь, а может быть, и ей самой. Причины я оставляю определить читателю. В этой книге много персонажей с разной степенью влияния на ее судьбу. Я не могу влезть к ним в сознание в попытках поиска причин поведения – просто констатирую роли и действия этих людей в описанных событиях. Я все равно не могу изменить то, что произошло и происходит в ее жизни. Могу помочь лишь словом, поддержкой, верой, любовью – ей это необходимо. Книга условно разделена на главы. Они не могут быть равными по объему и содержанию. Как и в нашей действительности, что-то проходит незаметно и быстро, иное – мучительно медленно и ранимо. Почему, вы поймете, прожив

три эпохи жизни ее – Тайны с глазами, полными любви. Спасибо.

С уважением к читателям,

Василий Дьши

Глава 1

Она была рождена, как это пишут в толстых романах авторы, во грехе. От случайной связи ее папы с ее мамой. От некоего «смятенья чувств» у папы. Любил ли отец ее мать, ей это никогда не будет известно. Папа был уже женат и имел сыновей от своей настоящей жены. Но это случилось – старая, как мир, история. Про то знают лишь они двое, ведь все было достаточно давно и необъяснимо до сих пор причастным к их жизни очень немногим людям. И к ее судьбе тоже.

Она родилась. Ей позволили. Она, конечно, тогда не знала, но эти слова – позволение, разрешение и запрет – она будет слышать и исполнять всю свою жизнь. Девочку назвали Рами.

Жили в другом городе – дальше от отца. Мама с дочкой. Папа поддерживал, как мог тайно, их жизнь. Такое простое детское счастье – двое на большой земле. Рами знала, что папа тоже есть у нее – мама не скрывала, – но видела папу очень редко. Очень. Не хватало ей почувствовать отца, ведь у других соседских детей он есть – вон как смеются счастливо на прогулках в городском парке. Мама, папа и дочка – первый идеал мечты о счастье.

Они жили с мамой почти у моря одни и никого не знали. Их жизнь тоже никого не интересовала.

Уже в три года, как потом ей рассказывала мама, она была очень смышленной, ответственной, требовательной не по годам к себе. С очень рассудительными вопросами, совсем не детскими.

Мама умела играть на пианино. Очень красиво играла. И дочка тоже научилась, ведь она хотела быть как мама. С трех лет начала играть. Музыка была каким-то иным миром, когда сердце рвется из груди и мечтательно закрываются глаза, но лучше их открыть – ведь клавиши могут убежать из-под маленьких детских пальчиков.

Относительное счастье и достаток всегда были в их маленькой семье. Папа снабжал их всем необходимым. Всем, кроме отцовской любви, по причинам своего высокого положения в стране и постоянной занятости. Появление дочки на свет была самой его большой тайной, тщательно скрываемой от всех. Тогда Рами не знала всего этого – обычное детство.

Да, вот еще, очень вроде бы несущественно – девочка была левшой. Такой вот малый промах, а может, и знак судьбы. Замечательная эта ее, не такая уж редкая среди людей, особенность придавала бы ей еще один дополнительный шарм к ее обаянию, но только не в ее стране. В мусульманской стране. Стране, где древние традиции и порядки главенствуют над жизнями людей, эту страну населяющих. В ее стране левша – это знак дьявола, проклятого ангела. Знак порока, джинна. Она могла быть изгоем еще и по этому факту – лев-

ша. Ибо левая рука – нечистая.

Девочка не стала оспаривать и сомневаться в своей особенностях. Она хотела быть как все, чтобы не стали ее еще более презирать вдобавок к тому, что она уже чувствовала по отношению к себе и к маме – невинное дитя греха.

И она переучилась. Переучилась сама, упорными осознанными занятиями со своим телом и мозгом. Было ли это трудно, она это уже не помнит. Хотела, чтобы мир стал чуть добрее к ней, к ним с мамой, пусть и таким путем. Научилась владеть правой рукой так же свободно, как и левой. И никто никогда не мог уличить ее в том, что она, по канонам их религии, проклята, недостойна. Только вот кого? Своего отца, которого она видела все реже и реже? Он был постоянно занят и не находил свободного времени на визиты к дочке. А может, и не хотел. Она тайна его жизни. Его позор. Угроза его карьеры. Ему хватало общества своих сыновей. Двоих настоящих, законных сыновей. А дочка? Что за дочка? Какая дочка? У него не было никогда дочки. Что-то там у дальнего родственника, а сам он чист. Перед женой, верой, страной и своей должностью. Очень высокой должностью. Нет на нем пятен родового, кланового, религиозного позора – нет!

Любил ли он ее? Она не сомневалась тогда – любил. Ведь он ее папа. А папы всегда любят дочек больше, чем сыновей – так ей думалось.

Рами было девять лет, когда мамы не стало. Мама вдруг стала сильно болеть, и ее увезли в больницу. Она не успела

попрощаться с мамой – была в школе. Просто после занятий за ней пришла ее тетка. Тетка – сестра отца, еще одна женщина, которая пыталась окружить девочку заботой, вниманием. У тети своих детей не было.

Мама очень долго болела. Визиты к ней были запрещены – так сказали девочке. Потом мама умерла от неизвестной детскому разумению болезни, от которой нет лекарств. Так случилось. Сама она не видела маму мертвую.

Ей даже говорили, что мама бросила дочку и уехала в далекую другую страну, откуда была родом. Поверила ли? Рами жила с этим знанием долго, пока позже папа не признался, что обманывал и, чтобы она легче перенесла смерть мамы, он придумал ее отъезд.

Мама ее была похоронена на местном кладбище. Папа оплатил установку памятного монумента. Имя, годы. Ничего более. Рами лишь тогда попрощалась с мамой. У могилы.

Глава 2

Отец забрал Рами в свой дом, в другую страну, где жила настоящая семья отца. Перед ней были поставлены определенные правила поведения, которые остались на всю ее жизнь, очень строгие правила. Она поклялась, что будет их выполнять, раз это от нее требуют. Быть сокрытой от всего мира, в тайне своего рождения и родства. Папа был на вершине карьеры. Ему нельзя было допустить ни малейшего компромата на себя. Ни пятнышка на свой официальный статус. Никогда, ни при каких обстоятельствах вне круга семьи она не имела права называть его отцом.

Воспитанием ее занялись кто угодно, но не родной папа, которого она называет так всю жизнь. Отец каким-то необъяснимым допущением позволил ей жить в своем доме, вернее, со своей женой, матерью их сыновей.

Даже не придумать слово, которым имеет право папина жена называть ее – дочку своего мужа от другой женщины, живущей теперь в их семейном доме. Постоянное напоминание о позоре. Об измене. У них росли двое наследников, настоящих сыновей.

Конечно, тайну не смогли удержать от всех. Но для полного прикрытия ее возникновения «вдруг» было договорено, что она приемная дочь от неизвестных родителей двоюродного брата папы. Если лишь задуматься о хитросплетении

этого статуса, то начинает болеть голова, но так они решили для позволения ей жить дальше. Что там и как происходило на самом деле, она не знала и не интересовалась из-за своей малости.

Она прожила в семье этой женщины, жены отца, два года. До сих пор вспоминает это время. Не сказать, что ее любили, – так, принимали как должное, за ошибку папы, за которую папа был достойно наказан, наверное, мужеством той женщины, принявшей падчерицу в свой дом.

Как они уживались в том доме? По-всякому бывало. Мачеха и любила падчерицу, и нет. Рами пыталась быть незаметной. Иногда, когда мачеха была не в духе, чем-то разозлена, может быть, и размолвками с мужем, женщина кричала в сердцах маленькой девочке, вдруг подвернувшейся под руку:

– Уйди отсюда, скройся! Не напоминай мне своим лицом лицо твоей матери!

И маленькая Рами исчезала, выжидая, чтобы конфликт прекратился, ведь это единственная ее родня, ее дом.

В их огромном доме был подвал – кладовая. В ней хранились запасы еды. Там было темно и уютно. Рами проводила много времени в подвале, отправляя сама себя в ссылку в свое тайное убежище. Ее уголок, где она никому не попадает на глаза и не вызывает собой скандалы, возникающие именно из-за ее существования в мире тех, кто наверху. Там, в подвале, она была защищена от всех невзгод – так ей пред-

ставлялось.

В полумраке кладовой горой лежали мешки с рисом. Она расковыривала один верхний с крупой, сооружала из других мешков, расталкивая их по сторонам, некоторое подобие уютного гнездышка для себя. Устраивалась поудобней, включала тусклую лампу и читала книги.

Она любила читать. Ведь в книгах было совсем иное, чем в ее жизни. В книгах была мечта и правильное поведение героев – иначе про них не писали бы авторы. Так она думала, проводя много времени за своими любимыми занятиями – чтением и рисованием в темном своем убежище. В попытках уйти, хоть на время, от невзгод, которые ей могли принести взрослые. Пыталась понять мир вокруг нее, осознать свое место в нем, таком неизвестном и таком жестоком. Она видела это в нелюбви к себе от взрослых.

А наверху искали ее для каких-то своих надобностей и спрашивали:

– Где Рами?

– Купается в рисе, – отвечала мачеха.

Но никто ее не тревожил там, в гнездышке маленькой девочки, одной на целом свете. Она читала или разговаривала сама с собой и с мамой. С Аллахом. Это для нее были одинаковые адресаты своих печалей и обид. Ведь и Он, и мама где-то там, наверху, в небе, по которому бегут облака. Но чаще всего она просто плакала в уютной темноте и тишине подвала. Без свидетелей. Она была сильной, уже тогда, духом

своим, но она была лишней для всех. Накопленным обидам не разрешала выйти из нее в виде слез перед ними – теми, кто ее окружал стеной презрения и злости. Позволяла выйти из души накопившемуся лишь там, в подвале, где никто не увидит и не услышит, где она наедине с самым дорогим для нее.

Она любила свой подвальчик – так она называла его ласково, конечно, про себя. Ведь никто никогда из взрослого мира не спускался вниз. То ли не хотели тревожить и уважали ее право на уединение, то ли просто им было неприятно общество виновницы и постоянного напоминания о нехорошем, умалчиваемом поступке отца. Ее просто оставляли в покое – пусть будет где угодно, лишь бы не видеть и не слышать.

В подвале было единственное маленькое окошко. Под самым потолком на одной из стен. Света из него не хватало для освещения, но Рами научилась не бояться темноты. Для чтения и рисования хватало лампы. Часто после прочитанного в книге, которое требовало осмысления, в эти паузы ей хотелось заглянуть в окошко, то самое, недостижимое. Еще раз кинуть взгляд на тот мир, из которого она пытается спрятаться в себе, в уюте подвала и одиночества, может, сравнить его с тем, о чем она только что прочла в книге. Окошко было высоко – не дотянуться. Тогда она ставила друг на друга два старых стула, ножками на края, и осторожно поднималась по этой лесенке к свету из окошка. Она вытягивалась

на носочках ног, тянущимися вверх тонкими ручками пыталась удержаться за стену и маленькую полочку под окном.

В окне было стекло, закрытое, мутное, но она видела кусочек неба! Свет из окошка попадал ей на лицо, освещал пальцы. Рами смотрела вверх и разговаривала с мамой. Мама где-то обязательно там – в бесконечной синеве. Конечно, мама стала ангелом и наблюдает за своей любимой дочкой, пусть даже спрятавшейся в подвале. Они слышат и видят друг друга, когда дочка стоит, балансируя на шаткой пирамиде из стульев, высоко от пола, но далеко от неба с мамой.

Всегда, когда она стояла под окном, оттуда лился очень яркий свет, свет дня – особенно нежный. Ни деревьев, ни каких-то зданий не было видно из окошка, только небо. Мама смотрит на нее оттуда и утешает, говоря своим родным ласковым голосом слова, которые ей уже давно никто не говорил:

– Доченька, я с тобой, я тебя люблю, мы вместе.

И текли слезы, не выплаканные наверху, среди ее опекунов, ее семьи, которая и не семья вовсе. Разве что папа, очень занятый на своей непонятной работе? Что за работа у отца, то было ей неизвестно – она не интересовалась. Ей не позволено ничего знать более, чем до нее доводили взрослые.

Мама слышала, переживала о доченьке. А дочка слушала ее ответы, советы, утешения. Ласковые слова мамы. И хотела многое рассказать.

Рассказать о невзгодах. О недружелюбии братьев. О тща-

тельно замаскированной, но все-таки, как кажется ей, любви папы. Она тоже его любит, но ей запрещено выражать чувства к отцу. Лишь принятие подарков, которые совсем ей не нужны. Даримые как-то стеснительно, лишь как символ мнимого внимания и напоминания, что она, его дочка, тоже живет. Говорить об ограничениях, которые папа считает оправданными. Рассказать о том, как упала с лошади, которая вдруг взбрыкнула и понеслась. Разбила коленки – сильно разбила до крови, но поднялась сама. Сжимая зубы, но не от боли – от стыда за неудачу, – гордо распрямившись, принялась успокаивать ту самую лошадь, не обращая внимания на кровь, струившуюся по худым девичьим ногам на желтую пыль и песок. Девочка видела плохо скрываемые усмешки на лицах братьев, стоящих тут же и как бы ищущих в ее побледневшем лице хоть капельку горя, чтобы утешить свое тщеславие. Она была очень гордая и защищала саму себя гордостью. Ни слезинки тогда. Нельзя тогда – в окружении ее недругов, которые выполняют роль надсмотрщиков, постоянно своим присутствием напоминаящих ей о ее «вине». И она слышит их гадкие разговоры о ее умершей маме, специально сказанные громким шепотом.

Досада сыновей на своего отца за измену маме выходила своей ненавистью на сестру по отцу в виде насмешек и мелких провокаций. Ведь на ту лошадь не сел ни один из братьев, зная, что лошадь чем-то возбуждена и непокорна, но она все равно села на лошадь, чтобы доказать – она

их не боится!

Вдруг стулья под ней зашатались от неловкого движения, и она полетела вниз с верхотуры. Больно ударилась об пол, ушибла сильно руку, но она не кричала от боли – не хотела, чтобы ей запретили бывать в ее подвальчике. Поднялась наверх сама, в ссадинах, прижимая обездвиженную руку к груди. И книгу – она никогда не оставляла книги свои в темноте.

То, что сломала правую руку, ей не принесло какое-то неудобство, ведь ее левая – она такая же умелая, как и правая, вот когда пригодилось ее «проклятие».

Детские кости быстро срстаются – рука вновь стала послушной. И Рами опять, спустившись в подвал, ставила стулья в пирамиду и тянулась к окну. К маме. И небу.

Однажды вдруг из ослепительного света от окна она увидела пушинку, плавно опускающуюся к ней прямо на ладошку, подставленную под это невероятное чудо. В подвале! Пушинка! Но окно закрыто, в нем стекло! Пушинка искала ее! Летела к девочке и легла удобно, на дрожащую от ощущения волшебства протянутую ладонь девочки. Она боялась выдохнуть, чтобы не исчезло это чудо. Это от мамы! От нее! Она там, тут, здесь, со мной!

Она не знала, что это за пушинка, как она оказалась в подвале, но точно верила, это знак от родной мамы – самого важного человека в ее детской жизни тогда. Это пух из крыла ангела, в которого превратилась мама. Мамина частичка.

Рами сохранила эту пушинку в книге, спрятав ее между

страниц. Часто открывала свою тайну и чуть-чуть притрагивалась к своей маме, подушечками пальцев, затаив дыхание. Мама подала ей знак!

Впоследствии, при множественных переездах, эта книга с пушинкой, посланной мамой, затерялась. Но она всегда держит в памяти этот случай и помнит ощущения от прикосновений мамы.

Рами научилась жить сама. Без родительской любви и ласки. Заботой она была окружена, но не той душевной, которая есть в семье. Редкие встречи с отцом, при которых ей было запрещено выражать свои дочерние чувства. Всегда рядом был кто-то из настоящих детей.

Братья всячески выражали к ней свое неуважение. Придирались по пустякам, по поводу и без. Указывали ей на ее ничтожество, на огромную пропасть по отношению к ним. Разве что не били пока. Так как она все-таки была единственная их сестра, пусть лишь со слов папы, то они пытались оказать ей свое покровительство. Там, в ее стране, так принято, братья опекают сестер – мужчины же. Назойливость этой опеки она ощущает всю жизнь. Постоянное наблюдение и проверки, невозможность побыть одной или ограничение в выборе общения с кем-либо вне дома.

Так и жила Рами в тягостной атмосфере настороженной печали.

Глава 3

Через два года жизни в доме мачехи, видимо, устав от постоянных претензий жены, папа отправил Рами обратно в тот город, где она жила с мамой. Под надзором няни. Она запомнила эту добрую женщину и, может быть, впервые после мамы она почувствовала настоящую заботу о себе от другого человека, который всегда рядом. Ощутила настоящую привязанность к няне.

Теперь Рами могла приходить к своей маме. Она так ждала этого. Выпрашивала у няни поездку на кладбище. Когда стала взрослой, ездила сама.

Причину смерти мамы она не знает – истинную причину. Неоткуда узнать, не дают ей такое знание. Она просто приходит к маме. Поплакать и поговорить.

Замирает мир в это время, и несущественными становятся все дела. Лишь мама и дочка. Слезы и души. Наверное, если кто-то видел это со стороны, как красивая молодая женщина молча плачет, стоя на коленях перед могилой, никогда не поймут – для этого нужно знать ее жизнь. Она общается с той, кто эту жизнь подарил ей. И святая любовь ребенка к родителю, дочери к маме, двух женщин, окружает их своим защитным покрывалом от враждебного. Они в это время вместе. Много лет назад – и сейчас. Мама гладит дочку по волосам и заплетает косу, а дочка боится шелохнуться,

ощущая близость родных рук. Мамину заботу, мамино присутствие.

Они говорят не звуками – душами. Мама молчит, дочка плачет, рассказывая о проблемах и несправедливости к ней, а иногда радуя маму своими успехами. Все-таки печали больше. Мало стало ласки кругом после смерти мамы, не успели они вдвоем насладиться счастьем тогда. Не увидела мама, как дочка стала девушкой, очень красивой девушкой – как мама. Рами частичка ее, родной, единственной, ушедшей. Необходимой всю жизнь. Выплакаться не стесняюсь – ведь маму не стесняются дочери. И эти невыплаканные слезы за все время сейчас, у могилы мамы, находили здесь выход. Кто поймет, кто поплачет с ней вместе? Лишь мама.

Так Рами жила. Приходя, когда становилось совсем одиноко, на мамину могилу. Рами говорила: «Мне нужно расплакаться», веря, что мама там, в желтой земле. Двадцать пять лет она была убеждена что мама похоронена здесь, пока кто-то из «благожелателей» не пустил слух так, чтобы она тоже услышала: ее мама на самом деле не в могиле. Мама у себя на родине. Тело ее увезли и похоронили там, в очень далекой славянской стране. За другим горизонтом. А тут лишь памятник. И это сделал папа. В угоду своей настоящей жене и своим сыновьям. Во искупление.

Конечно, он глубоко ранил ее – этот подлый слух, сказанный и повторенный неоднократно. Чтобы осквернить саму трагедию одиночества и скорби дочери. Никогда она не ре-

шлась спросить об этом у отца: правда ли это? Или? Пусть будет «или». Для нее с мамой. Пусть будет вера – родной человек здесь, в этой земле, в городе, где они жили. Мама с дочкой. Тут место их встречи. Место исповеди.

Рами выросла. Превращалась в прекрасную девушку, не похожую на братьев и отца абсолютно – видимо, папины гены были лишь второстепенными.

Мама ее была другой национальности, и, может быть, поэтому и мама, и дочка были награждены такой не здешней красотой, что папа когда-то не смог устоять перед очарованием встреченной им женщины.

Не похожа ни на кого из многочисленной родни, которую она не имеет права даже называть так. Она себя и не ощущала одной из них. Скорей всего, чужой. А вот чьей? Где ее люди? Она – приемная дочь двоюродного брата папы, чтобы как можно дальше было от родного отца с одной лишь поблжкой – им должно иметь одинаковую фамилию – папа разрешил. Спасибо, папа.

Ее интересы в жизни своей, из-за невозможности найти тот душевный уют, который доступен в настоящей семье ребенка, были разнообразны. Учеба в школе ей давалась легко и блестяще. Рами училась играть на пианино, рисовать. Чтение книг она возвела в степень своего знания, из которого она постигала жизнь. Пусть и из написанной кем-то жизни. Не было иного источника. Не было добрых необходимых советов от родных, из которых лишь отец, которого она виде-

ла очень редко. И к которому ей было запрещено даже общаться иначе как к уважаемому человеку. Папа отвечал ей тем же – ни шагу на сближение. Легенда была оберегаема очень ревностно и строго, всеми, кто был допущен к тайне ее существования.

Жила без родительской любви, а может, придумывала такую любовь сама, ведь мама так рано покинула ее. Жила в мечтах о свободе потом, когда-то в будущем, не теперь. Ведь она приняла вынужденные правила ограничений, в которых жила всегда, сколько помнит себя. Ощущать себя всю жизнь лишней, виноватой в чем-то. Слышать за спиной упреки и снисходительное прощение за несовершенные ошибки. Какой-то очень сильный дух поддерживал ее, не давал стать совсем униженной и оскорбленной окружением так называемой родни. Она боролась за себя. Научилась не прощать подлость. Но не затаивала зла. Вступалась за подружек в школе.

Все девочки в классе знали – Рами не даст ни себя, ни других в обиду. Получала за это замечания в школе и очередной выговор от братьев и папы, которого она видела все реже и реже. Любила животных – кошек, собак, лошадей. Жизнь продолжалась.

Ей исполнилось 14 лет. Она превращалась в девушку. Красивую девушку. Очень красивую.

Глава 4

У соседей была свадьба. Утром заехали за ней ее знакомые, сестра с братом, на машине. Предложили поехать с ними вместе заказать маленькие традиционные пирожки – фалафели, – которых нужно было огромное количество на красивом подносе к свадебному столу.

Сколько развлечений у девочки с ее указанными правилами и ограничениями? Рами с радостью согласилась.

Он был немного старше ее. Шестнадцать лет ему было. Тогда все были старше ее, особенно парни. Его звали Мацид.

Забрались в машину, поехали по пыльным разбитым улицам города, тонувшего в жаре и солнце. Ей было интересно. Соседский парень был ей симпатичен. Но она никогда не показала бы этого ему, ничем себя не выдав. Девочка только начинала познавать жизнь. Она не замечала брошенные на нее тщательно скрываемые взгляды парня. Он смотрел на нее. Тогда она не знала, как он смотрел.

Был месяц май. Скоро будут школьные годовые зачеты. Соседская девочка пришла за ней и попросила, чтобы она помогла ей подготовиться к экзамену. Рами училась отлично, и ей не составило труда выполнить просьбу подружки. Пошли к ней в дом. Идти было недалеко – на соседнюю улицу. Они поднялись в комнату на втором этаже. Рами знала: старший брат подружки, тот самый Мацид, с которым они ез-

дили тогда, перед свадьбой знакомых, он тоже дома. Подружки занялись школьными делами. Брат иногда заходил – уходил и смотрел на нее. Она выглядела старше своих 14 лет. Развитая грудь, бедра, ноги, длинные шелковые волосы – красивая девочка.

Пришли друзья Мацида – двое. Мацид выманил сестру из комнаты – нашел повод. Он крикнул:

– Там соседка пришла, тебя зовет!

Подруга вышла из комнаты, спустилась вниз.

Один парень стал возле дверей, другой закрыл окно и задернул занавески. Девочка ничего не поняла, пока Мацид, не схватил ее за волосы. Грубо схватил – очень сильно. Потянул к себе и в сторону тахты из светлого дерева. Рами стала кричать. Громко кричать. Парень, стоявший у дверей, видимо, испугался и выбежал из комнаты. Его место у двери занял второй друг насильника.

Садист стал тащить ее на кровать, пытаясь прикрыть ей рот ладонью. Очень грубо и жестко. Она захлебнулась страхом.

Мацид стал шарить по ее телу, удерживая ей руки, норовя схватить за грудь. Она сопротивлялась, вырывалась, звала на помощь. На открытых местах ее рук, которые хватал насильник, появлялись красные пятна от пальцев нападавшего. Она еще надеялась.

А он кричал:

– Давай по-хорошему, иначе будет по-плохому!

Он ударил ее по лицу. Сильно ударил. Дважды. Ее голова резко дернулась от удара, и все закружилось пред слепнувшими глазами. Рами на миг потеряла сознание от боли, ноги подкосились, обмякли. Насильник повалил ее, или она сама упала на кровать – не помнит. Из саднящей, разбитой губы текла кровь – ощущала металлический ее привкус во рту. Она сильно испугалась. От неожиданности и боли она не могла пошевелиться. Насильник навалился на нее и вдавливал в тахту. Кричала ли она? Ей казалось – кричала, очень громко. И не было сил. Она лежала на тахте, придавленная садистом, и лишь умоляла:

– Не надо, что ты делаешь. Я не хочу, я боюсь.

А он рвал девичье тело и кричал:

– Ты же такая! Ты еврейка! Вы евреи виноваты в наших бедах! Твоя мать была шлюха! Ничего с тобой не случится плохого, просто не сопротивляйся! Мне ничего не будет! Ты еврейка! Вас надо так наказывать – таких шлюх! Ты не человек – ты вещь! Еврейская вещь! Для нас, для арабов!

Его слова забивали ей слух, нечем было дышать, она пыталась сопротивляться и лишь повторяла, держась за сознание:

– Не надо, не надо.

А тот самый, который был ей симпатичен когда-то, превратившись в зверя, терзал ее. Рвал одежду на ней и себе, все более распаляясь от возбуждения, ярости и власти самца над беззащитной девочкой. В какой-то момент она смогла дотя-

нуться до стоящего на тумбочке, рядом с кроватью, тяжелого стеклянного стакана. Схватила его и с размаху ударила насильника по голове. Она вложила все покидающие ее силы в этот удар, от отчаяния и для защиты себя. Стакан разлетелась на куски на голове садиста, стеклом порезав, порвав кожу насильника. Лоб его стал сильно кровоточить. Один осколок стекла застрял во лбу, она видела его. Кровь капала ей на лицо – кровь зверя. Крови было много. И много злости – из того чудовища, которое пряталось в нем до сих пор. Торчащий осколок стекла из его лба был как страшный кровавый рог. Джинн? Шайтан? Убийца? Заливая слюной и красным все вокруг, он только еще больше разозлился и стал насиловать ее.

Она кричала! Теперь по-настоящему кричала! От боли и от ужаса! Болело все! Болело все! Боль пронзала ее всю, боль от удара по лицу, боль тела, боль от его действий и стыда. Слезы и кровь заливали ее лицо, голос становился слабее. Наверное, она просто отключилась – сработал защитный механизм, предохранитель психики.

Дальнейшее она помнит с трудом, вернее, пытается не вспоминать, забыть, как кошмар. Как что-то ужасное, не с ней происходящее, как бы со стороны. Всю свою жизнь она пытается выжечь эти кадры случившегося из своей памяти. Закрывает глаза и стирает. Стирает из глубины сознания.

Когда подоспела помощь, в этой комнате кошмара, пере-

житого ею, мебель светлого цвета была залита кровью. Чьей? Кровать, пол, ее истерзанное тело, остатки одежды. Она помнит это отрывками, страшными стоп-кадрами. Глаза были слепы от слез, душа была раздавлена случившимся. Разум отказывался делать попытку осознания трагедии.

В больнице на ее детское, оскверненное, разорванное тело врачи наложили 14 швов – ее спасли.

Вернувшись в дом, в котором ей не было покоя, она нашла в медицинской аптечке какие-то таблетки и выпила, проглотила их все.

И упала, потеряв сознание. Болело все – оскверненное насилием тело и потухшая душа. Она умерла.

В ней умерло детство. Та маленькая девочка, которая пыталась жить, познавая мир, вне клетки, в которой она находилась по воле папы, умерла.

После всего перенесенного она не разговаривала в течение шести месяцев. Вообще. Все это время находилась в шоке.

Тот соседский парень заявил, что Рами сама захотела этого и даже сама первая напала на него, разбив ему голову. Поэтому он и был так разозлен, что потерял контроль. Пытался обвинить ее в вызывающем поведении, в ее красоте, внешности. Полиция даже завела дело на нее за нападение.

У того парня отец был очень большой чиновник в стране. Очень богатый. Садист признался, что по слухам знал – она всего лишь дочь еврейки и живет с няней. И насильовал

ее, упиваясь своей безнаказанностью, – с таким папой, как у него, ему ничего не будет за совершенное.

Какое наказание за поруганную еврейку в его стране? Всего лишь еврейку.

Но он не знал, кто ее отец, ведь тот почти не навещал дочку, отдав ее на попечительство других людей. Не знал, кто ее папа!

И были разборки среди кланов. Могущественных кланов той страны. Насильник, как оказалось, даже являлся каким-то ее дальним родственником по папиной линии. Он оказался внуком папиного двоюродного брата – маленькая страна. Разборки были внутри тесно связанных родством кланов.

Рами про то не узнает никогда. Впрочем, такова ее доля – не знать ничего, что делает папа за ее спиной, как бы для нее. Ее ведь нет официально. Она никто.

По законам их страны, насильник считается «воюющим с Аллахом» и должен быть наказан смертью. То, что он сделал, хуже убийства. Это один из самых тяжких грехов. Очень однозначно обозначено – такие там законы и правила. Но не в клане. Ничто не могло уйти наружу из клана. Тайна ее существования. Недопустимо. Клан не сжирает своих родных детей. Насильник был из клана.

Другого парня, который держал двери и смотрел на происходящее преступление, вскоре не стало – его нашли мертвым в заброшенном колодце. Упал? Все наверняка догады-

вались, чьих рук это падение, но молчали. Третий парень, тот, который убежал, испугавшись предстоящего, тем самым спас себе жизнь. Ему разрешили исчезнуть самому – куда-то уехал, наверное. Насильник остался жить.

У семьи насильника были деньги, очень большие деньги. И важное положение в стране отца садиста. Религия, традиции, законы, мораль – эти догмы, внушаемые всем, когда это необходимо для сдерживания и управления обычными людьми, они прикрывают глаза, когда говорят большие деньги. Ее судьба была решена. Папой.

Ей, конечно, не сообщили. Она была молодая девушка в своей трагедии, одна, без родительской ласки. Истерзанное тело было видно, а вот сломанная душа не принимается во внимание. И тогда, теперь и всегда. Что-то еще? Она не знает.

Папа не хотел огласки свершившегося. Тайна останется навсегда. Так надо. Так и было.

После того случая, который она помнит всегда, она перестала чувствовать боль. Телесную боль, физическую. Застыла, замерзла к жизни. К парням, к чувствам, которые узнала с такой ужасной стороны. Трагичной и неискупимой. В ее стране бесчестие для девушки равносильно смертному приговору, но лишь девушке. Слабое утешение, что по их же законам изнасилованная девушка считается невиновной, девственной, ничего не могло исправить в ее душе и сознании горя. Женщины там не имеют права распоряжаться даже сво-

ей жизнью.

Это сжигает ее душу всегда, когда воспоминания приходят к ней. И ненависть к насильнику всю жизнь.

После этого трагического случая, зачеркнувшего ее детство так рано, братья, ее сводные братья, сыновья настоящие отца, стали охранять ее. Стали приезжать к ней и не уезжали никогда. Так они выразили заботу папы о дочке, берегли грех отца. На всю жизнь стали ее охранниками. Или надзирателями?

А няня, та самая близкая к ней женщина, от страха за свершившееся и чувство вины, что не углядела за подопечной, на нервной почве от стресса заболела диабетом и позже умерла от сердечного удара.

Последний близкий человек, который был в ее жизни тогда.

Глава 5

Когда Рами подросла, она выбрала для себя мечту. Стать врачом-кардиологом. Хирургом. Чтобы она умела спасать всех. Она хотела научиться лечить сердце. Чужие сердца. Свое лечить у нее не получится.

Она никогда не делила людей на врагов и друзей. Привыкла, что она одна, выживает сама, справляется со своими синяками в одиночестве, не ожидая доброго слова от родных, впрочем, которых и не было никогда.

Папа одобрил ее выбор. Как же без папы. Впервые ничего не сказал против, не употребил привычный маневр – сломить ее решение своим. Причины такой неожиданной снисходительности она не могла понять. Отец сам выбрал тот институт, где ей предстояло учиться.

Она поступила в Россию, в Москву, в университет.

Время учебы – самые прекрасные годы в ее жизни, как ей казалось. Вокруг было много свободы, по сравнению с тем, как она жила в своей стране. Даже три месяца жила в общежитии, пока ей не сняли квартиру. Это было так интересно! Другая жизнь, отношения, другой мир, в широко открытые большие глаза красивой молоденькой иностранки ворвались так стремительно. От этого восхищения она быстро приняла в себя все русское, показавшееся близким. Может быть, там было что-то из ее далекой памяти, из крови мамы? Выучи-

ла русский язык. Научилась понимать русскую литературу, читала очень много – запоем. Русские товарищи объясняли ей смысл русских фильмов, анекдотов, выражений. Она научилась игре на гитаре! Это было очень модно тогда. Те, кто умеет играть на гитаре, – те современные, а кто не умеет – деревня. И на гитаре она играла даже лучше, чем на пианино – в отличие от пианино гитара всегда была под рукой.

Она научилась русскому мату! Может быть, для самоконтроля, для полнейшего вхождения в жизнь на свободе. Это было что-то иное – она не была больше в клетке из золота.

Она дышала Россией.

Среди таких же бесшабашных и в чем-то похожих сверстников ее называли Сахара. То ли оттого, что в той стране, откуда она приехала, было много пустынь и солнца, то ли оттого, что она из-за своей красоты, очень заметной, была плохо скрываемой мечтой каждого парня на курсе. Все они были молоды, и возраст влюбленности там управлял грезами. А она смотрела на новых друзей огромными зелеными глазами и видела лишь добрых товарищей. Девчонки-однокурсницы дико завидовали ее красоте, впрочем, как и везде, как и в ее стране. Она была красива той красотой юности и энергии, которая не раскрывалась в неволе. А тут она была свободна! Впервые за всю ее недолгую жизнь.

Время пришло. Забыть все страшное, что было. И открыть сердце для любви. Первой, неумелой, неизвестной, еще детской – наверное, Рами влюбилась.

Может, это была и не любовь, а просто симпатия? Но она ждала любви. Ведь в прочитанных книгах так и происходит – однажды приходит чувство. Любовь девушки к парню. Она была из страны, где очень строгие нравы, особенно для девушек. Там жизнь ее была под контролем, все что-то выходящее из-под указанных правил для нее считалось запретом. И она не могла преступить эти запреты. Она просто влюбилась. Никому, не открываясь и не высказывая свою симпатию, даже ему. Так ей казалось – она скрывает.

Представлялось ей, что должно быть так, как в тех романах русских классиков, которые воспевали это чувства. Они были труднообъяснимые, но почему-то казавшиеся ей идеальными. Вздохи, взгляды, слова. Она назвала это чувство любовью. Пока не изведанной ею. Так ей хотелось.

Он был ее однокурсником. Милым еврейским юношей. Макс. Максим.

Однажды, когда она сидела на скамейке в институтском парке, где часто ожидали или прогуливали пары лекций, к ней подошел он. Тот, о котором она мечтала.

Макс, как оказалось, прогуливал военную подготовку для парней в институте, прячась в парке, и увидел ее. Сел рядом на скамейку. Наверное, он уже давно догадывался о симпатии к нему этой красивой, но очень гордой неприступной девушки.

Заговорили о чем-то неважном, она не помнит уже, ведь рядом был тот, от которого кровь стучала в висок, – люби-

мый. Было восхитительно прекрасно. Эта скамейка, и он рядом, в тихом парке.

Максим решил ее поцеловать, так вот вдруг. Она не была против. Знала, что поцелуй – это символ любви, и закрыла глаза, ожидая нового ощущения на губах. Она ни разу не целовалась в своей жизни. Никогда. Они даже стукнулись носами.

Он взял ее голову как голову манекена, повернул с наклоном, развернул ее плечи. И рассмеялся ей в лицо:

– Ты не умеешь целоваться? Чем ты занималась там в своей стране? Ты не умеешь! Где твой язык! Ты же Сахара!

Этот смех, грубые, вовсе не ожидаемые действия, нет, не сделали ей больно, но Рами увидела, что тот образ, который она создала себе для этого парня, оказался придуманным. Образ испарился.

Он несколько раз пытался научить ее правильно держать голову, настойчиво делая попытки поцеловать ее в губы, но она уже была не там. Не во влюбленности.

Они так и расстались тогда. Она убежала далеко от нечаянного стыда за свою неумелость даже целоваться. В ушах долго слышались те звуки презрения и удивления – его уничтожающий смех. Почему-то ей было стыдно за такую свою страну, которую Макс обвинил в том, что там девушки не умеют даже целоваться правильно, за свое происхождение. Она много плакала тогда.

Потом девочки с курса ей сказали, что Макс рассказал

всем, что Сахара не умеет целоваться.

Нет, они не стали врагами, но что-то сломалось в ней. Включился тот самый защитный механизм, которым она научилась пользоваться.

Рама продолжала жить той самой мечтой и свободой молодости, наслаждаясь новыми друзьями и Россией, Москвой.

Она так и осталась Сахарой для своих однокурсников. Красивой, гордой, недоступной, интересной своей глубиной какой-то мудростью, не по годам. Ничто не могло отнять у нее веру в русских людей, в иную свободную жизнь, каждый день которой приносил открытия и радость.

Глава 6

Но старое никогда не покидает нас легко. Папа, этот очень важный человек в своей стране, узнал, что его «секретная» дочка влюбилась в еврея. Кто-то, наверное, донес – значит, и там был надзор за ней. Отец Рами просто сообщил ей, позвонив по телефону, что она выходит замуж! Не объяснив, за кого. Они, мол, помолвлены. За какого-то родственника. За араба. Ей было все равно после разочарования в Максе, после такой вот нелепой попытки влюбиться. Отец немедленно отозвал ее в свою страну.

Свадьба была стремительной.

Ее выдали замуж за того самого соседского парня – ее насильника, уже ставшего мужчиной.

Согласно той внутри клановой договоренности, о которой она ничего не знала, в результате разборок между кланами парень обязан был жениться на ней, как только Рами достигнет совершеннолетия – искупить свой поступок. Папа принял это, решил судьбу своей дочери и судьбу этого подонка, фактически продав ее честь. Задумка папы, которая была ей неизвестна тогда, свершилась. Ее в самом деле продали. Скрепил ли отец эту продажу чести дочери рукопожатием с насильником, она не знает.

Обещанием жениться на жертве юный поденок выторговал себе жизнь. И свободу. Папа договорился с насильником

«о мире и взаимопонимании». Это была сделка. Так решил клан! И папа. Еще тогда. Десять лет назад.

Рами не знала ничего. Ей об этом только сейчас рассказала тетя – она была допущена в этот секрет. Так решается там судьба женщины, дочки, сестры. Судьба мусульманской женщины до самой смерти в руках и власти мужчин – отцов, опекунов, братьев. Теперь в руках мужа-садиста.

Все было сделано очень быстро, ведь дочка могла уйти из-под контроля папы. Чуть было не ушла – хорошо помнили тот случай с таблетками.

Никто не спрашивал ее согласия. Никто не печалился о таком странном слове, как любовь. В их мире власти и богатства, в их клане нет такого понятия. Они знали про любовь, может быть. Такое есть вроде женское имя в той самой России? Что-то иное? Нет, не слышали. Выбросили это слово за ненужностью. Казалось, ее родственникам неведомо чувство сострадания, сожаления, человечности, остаются лишь возможность и желание повелевать ее судьбой и жизнью.

Причем было создано все, чтобы свадьба свершилась как приговор! Как тот давний тайный сговор.

Этот контракт, все думали, закончился. Мацид женился на другой девушке, когда Рами поступила учиться в Московский университет. Отец и все, кроме самой Рами, знали, что насильник, избежавший смерти, женился на другой. И если бы не умерла его жена, то отец подонка заплатил бы клану большие деньги – во сколько была оценена честь дочери ее

отцом. Они ждали.

Для Рами свадьба прошла без начала и конца. От потрясения она не воспринимала действительность. Ее отдали замуж за насильника! За того, кто убил ее детство. За того, чье лицо стояло у нее перед глазами в ночных кошмарах. Лицо садиста было рядом теперь. Опять эта светлая, залитая кровью мебель вспоминалась ей. Боль, страх, крик. Прощание с жизнью. С детством. Он вернулся – тот самый ужас. Жестокой папиной воле принадлежавший. А что чувствовала молодая жена, когда рядом с ней тот страх, который теперь трогает ее руками и пытается заглянуть в глаза, из которых не уходил? Садист, ставший по решению отца, ее мужем. Теперь она должна была жить с ним. С кошмаром. Папа так сказал. Большой человек, авторитет и единственный родной человек, который незримо присутствовал в ее судьбе всегда.

Отшумела свадьба, как того требуют обычаи той страны, той пышности, как могут позволить себе такие могущественные кланы. Она была на свадьбе главным действующим лицом – невеста. Прощалась со свободой уже насовсем, попадая в полное подчинение насильника. Муж имеет всю власть над женой. Согласно их традициям и религии. Садист получил свою жертву во владение. Слезы, слезы, слезы.

Лишь на свадьбе Рами узнала, что у нее есть падчерица. Жена Мацида умерла от гемофилии – кровь при родах не смогли остановить. Это была просто судьба. И у него есть маленькая дочка. Падчерица – как же ей знакомо это слово

и состояние. Она знала, какие чувства испытывает падчерица, когда живет с мачехой – она так жила очень долго сама. Их познакомили.

Клетка захлопнулась. Та же самая золотая клетка, но уже с атрибутикой из фильма ужасов, задрапированная болью и чувством безысходности, обреченности. Что она испытывала в душе тогда, она никогда, никому не расскажет, ибо это невыносимо.

Брачной ночи у них не было. Но супруги были молоды, и все происходило с одобрения ее опекунов и папы. Она не могла не подчиниться, но вызвала кровотечение, обычное женское кровотечение. Тем самым взяла себе отсрочку от повторения того, что она не забывает всю жизнь, теперь уже вечной муки. И только почти через месяц это произошло. Это была пытка. Слезы, страшные боли. Но она сразу забеременела и все 9 месяцев она не пускала его к себе.

Вернулась на учебу в Москву, вместе с мужем. Он теперь был с ней неотлучно. Рами продолжала изучать медицину, а муж ждал ее дома в квартире в той самой России, где она почувствовала всего лишь иллюзию, как оказалось, свободы. Она окончила институт с красным дипломом, была лучшей на курсе. Самой лучшей. Рами стала врачом – важная первая часть ее мечты. Мечты когда-то вырваться из подчинения традициям своей страны. Она верила в это, что знания и умения приведут ее к желанной цели, свободе.

Они вернулись на родину. И началась обычная рутина

жизни с нелюбимым человеком. С ненавистным.

Глава 7

Иногда муж начинал разговоры о том, как он сильно любит ее и любил все эти десять лет. Просил на коленях прощения. Но она была очень холодная и строгая. Она не прощает. Мацид умолял дать ему шанс – второй шанс. Он говорил, что даже вены себе резал, раскаиваясь за то, что он сделал с ней тогда. Чтобы простила. Простила, и тогда будет легче им жить.

Но она знала, что он подонок! Он не резал никакие вены. Этого не было – она видела. Он опять лгал!

Рама твердо стояла на своем. Она дает второй, третий, четвертый шанс только тем, кого она безумно любит, иначе даже полшанса – нет! Как можно это простить! Как?

Она выбрала себе манеру поведения. Она определила ее как защиту с нападением. Стала «строить себя». В буквальном смысле. Она была красавицей, от которой сходил с ума весь город, мужская его часть. Женщины ей завидовали. Ее положению, богатству, которым она не дорожила абсолютно. Она занялась спортом – поддерживала свою красоту, фигуру. Волосы ее были настолько шикарны, что вызывали волну восхищения. Когда она заходила в зал, где были люди, все поворачивали голову ей вслед.

Она устроилась на работу в больницу. Стала совершенствовать свои знания и практику. Вскоре она стала лучшим

врачом.

Отношения с мужем были никакие. Вообще. Она всячески избегала близости с ним. Муж, видимо, что-то понимая, хотя он, наверное, считал тот давний «инцидент» исчерпанным, иногда начинал разговор о причинах своего поведения тогда. Как бы пытаясь оправдаться. Обвинить ее в каких-то действиях или поведении, вызвавших все то, что произошло тогда. Но для нее это было совсем недавно. Напоминание – перед ней.

Он укорял ее красотой, фигурой, телом. Длинными волосами. Даже ее зелеными глазами. Утверждал, что именно то, что она стала сопротивляться, его только больше заставило причинять ей боль. Шрам от осколка стакана он показывал ей, как подтверждение ее вины в его действиях.

Ей было мерзко и противно. Она уже с ним, она не «грязная еврейка» – эти слова напоминала ему часто. Она издевалась над ним. Семейной жизни не было вообще. Во всех смыслах. Они даже спали в разных спальнях. Отец купил ей богатый престижный дом с большим участком земли. Со множеством комнат. Но и там, в огромном доме, она не находила своего пристанища для времени побыть одной. Она нарочно дразнила его своей недоступностью. Наверняка вызывая злость у мужа, ее насильника, но ей это было все равно. Она жила в злости вокруг себя всю жизнь. Она мстила. Мстила за детство. Наказывала его за преступление, которое он совершил. За разбитые мечты, за ложь, за боль.

За время их семейной жизни у них родилось двое детей. Мальчик и девочка. Когда она признавалась папе, при редких встречах с ним, что не любит своего навязанного им ей мужа, папа ухмылялся и спрашивал с иронией в голосе:

– Если не любишь, то откуда дети?

Она сама не может точно это осознать. Все-таки она стала законной женой, со всеми отсюда следующими обязанностями, которые были ей отвратительны до омерзения. Всегда, когда он ложился на нее, она превращалась в камень. Без чувства и эмоций. Закрывала глаза. И исчезала в себе. От насильника, сменившего статус для всех, кто знал о случившемся тогда, но не для нее самой. И признавалась себе, что два раза всего и было, наверное. Не больше.

Падчерицу она приняла как кару в своей разбитой судьбе. Рами сама знает, что такое жить, быть без мамы, и пыталась относиться к падчерице как можно роднее и заботливее. Так, как, ей казалось, она хотела, чтобы относились тогда к ней в детстве.

Девочка была очень худенькая. Рами смотрела на нее и вспоминала себя тогда же. Она кормила ее, занималась с ней, заботилась, но отчуждение было – оно нарастало.

Падчерица сразу возненавидела мачеху. Про себя обвинила ее в смерти своей мамы и в то, что папа, взяв ее в жены, как бы предал память мамы, давшей ей жизнь. Ревновала отца к мачехе. Рами пыталась стать ближе к падчерице, но всегда натывалась на стену неприятия, отторжения.

После рождения своих детей неприязнь ее падчерицы стала в разы сильнее. Возраст падчерицы не располагал к какой-то самостоятельности, но она стала врагом. Домашним врагом. Она видела, что мачеха, и так ненавистная, не любит ее папу. Она это понимала, не зная о причинах такого отношения и нелюбви. К тому же мачеха была красива. Падчерица никогда себе самой не призналась бы в этом, но она пыталась всю жизнь копировать свою нелюбимую мачеху. Она копировала мачехину прическу, длину волос, украдкой повторяла макияж, походку, движения, выражения лица.

Конечно, все, что было раньше, произошедшее тогда в том кошмаре, который совершил ее отец, было покрыто пологом тайны. Тем более от падчерицы. И от их совместных детей тоже. Так они и жили. В нелюбви и муках.

Однажды на морском побережье, куда они выехали семьей, Рами пошла в море плавать. Одна, сама. Пляж был безлюдный. Но даже там, казалось падчерице, которая уже превратилась в девушку, фигура мачехи вызывала зависть и у нее самой, и тем более у не балованного близостью жены ее отца. Рами плавала очень долго, нарочно отплывая от берега далеко, только голова виднелась среди небольших волн. Муж, оставленный с детьми, бегал по берегу и звал жену:
– Вернись, будь осторожней, прекрати.

Она специально не слышала. Плавала вдоль береговой черты, чтобы не быть ближе к нему. Вдосталь наплававшись, выйдя из воды, на возмущения Мацида сказала:

– Странно, что моим плаванием кто-то обеспокоен, не слышала и все.

Так она мстила мужу-насильнику. Вопреки всем законам их морали и веры, он не был наказан смертью – так пусть будет наказан женитьбой на своей жертве, которая никогда не простит ему своего поруганного тела. Она взяла на себя роль палача таким способом. Лишь на такое она могла быть способна – иного ей не дозволят. Никогда.

Ее дети тоже стали однажды понимать нелюбовь мамы к отцу. Не спрашивая объяснения, просто приняв сторону мамы. Они относились к папе, не выражая чувства любви.

Что чувствовал муж, останется навсегда неизвестным. Можно лишь догадываться. Да и нужно ли было ей это знание? Нет. Наверное, страдал, видя красоту своей жены, которая никогда не была его, по-настоящему к нему благосклонной. Он замыкался в себе. Может, он вспоминал о том, что было, и понимал, что иного не будет, – это наказание за содеянное. Он отдавался работе. Мацид работал фотографом-репортером в одном известном новостном агентстве. И по воле своего занятия ему приходилось снимать фоторепортажи, иногда рискуя собственной жизнью, из горячих точек Земли и страны. А в стране происходили очень беспокойные дела. Страна воевала. Они жили в воюющей стране, в окружении подобных стран. Причины этих военных столкновений вряд ли кто-то сможет осознать и уж тем более пересчитать их количество. Много причин вражды, но выход этому –

в войне.

Его разорвала мина. Была интифада – война. Мина разорвала его на кусочки. Даже не могли что-то собрать, чтобы похоронить. Это была кара для него! За ее сломанную жизнь.

Рами совсем не плакала на похоронах. Вообще. Ни одной слезинки. Траур пришлось носить лишь по традиции. Но она почувствовала только облегчение от случившегося. Груз упал с ее плеч. Может быть, потому, что кошмар не прекращался много лет. Он был с ней, тот кошмар детства. Забыться в работе. Забыться в детях, которых трое. Нужно жить дальше с растерзанным сердцем. Она поставила на своей личной жизни крест вдовы, пусть и не горюющей вдовы, а избавившейся от ненавистного насильника, которого никогда не любила.

Ее дети, ее родные дети, мальчик и девочка, они были совсем маленькие, но она знала, что у нее хватит сил воспитать из них подобие себя, подобие своей мамы, тоже, как ей представлялось, сильной женщины.

Дети росли очень смышленными. Она окружила их заботой, вниманием, любовью. Вкладывая в них то, что называется «нерастерянной душой». Умницы, и самое заметное, что дети ее, хоть и от этого мужа, были красивые. Именно красотой мамы – ее. Но лицами ее дети, любимые ее дети, напоминали ей нелюбимого мужа. Она смотрела на них, и в ней всплывали тени воспоминания того дня, который она хотела забыть всегда. Лица ее детей. Ничего она не могла поделать

с этим ощущением, что глазами ее детей смотрит на нее насильник. Такая вот мука. За что?

Глава 8

Следование традициям их страны привело к тому, вернее, сразу обозначилось то, что та самая ненавистная опека над нею со стороны братьев, которые уже стали самостоятельными, «уважаемыми» взрослыми мужчинами, после гибели мужа ее опять возникла над ней. Опять они считали своим долгом контролировать каждый ее шаг. Она вдова. Нужно выдержать траур, которого она не признала для себя. Она-то как раз радовалась и ликовала, что все закончилось. В это время ей запрещается вообще как-либо показывать, что она – женщина. Траур, и всё. Строжайшие запреты на любые контакты. И она принимала это как время начать разбираться в себе. Статус вдовы ограждал ее от излишних попыток ее родственников влезть в ее личную жизнь.

Но ей приводились женихи. Ею опять начали торговать. В стране, где очень строгие законы религии и родства, для жениха, пусть даже и неизвестного потенциальной невесте, имеют право, с согласия родственников, устроить смотрины, разглядеть будущую супругу. И когда такое намечалось, ей сообщали, чтобы она приходила – ее ждут. Она всячески избегала этого, просто задерживаясь на работе – ночные дежурства или срочные вызовы. Иногда не получалось, и ее отправляли, с величайшего разрешения, на свидания в рестораны, клубы. Братья рассказывали своим друзьям, что их

названная сестра вполне готова для замужества. Показывали фото. Приводили посмотреть лично и убедиться, что она красавица.

Это были, конечно, очень богатые сынки из известных семей страны. Подарки, предлагаемые ей, были очень ценные. Она не принимала их. Отказывалась как могла. Она понимала всю игру фальши и свою роль – товара.

В глазах женихов, если она нечаянно встречалась взглядами, была видна лишь корысть и животные желания. Те самые, от которых ее жизнь сломана, по воле родственников, уже один раз. Она не хотела замуж. Хватит! А братья, расхваливая достоинства сестры, удивлялись ее неприветливости. Ведь она молода. И свободна уже. А тут такая возможность. Такой жених. И рассказывали, что стоит за богатством жениха.

Ей было противно. Она вела себя уважительно, так она воспитана, и она – женщина, но всячески показывала свое неудовольствие и нежелание продолжать. Ею торговали – она понимала.

Иногда были симпатичные парни, но глаза пустые. В человеке ее в первую очередь интересовало, что он знает, сколько книг он прочитал, что он сам из себя представляет. По подаркам было видно показное богатство и снисходительность с азартом – такая красавица!

Отказывая женихам, приводила в бешенство своих братьев. Каково им было оправдываться перед несостоявши-

мися женихами, что сестра отказала без причин, без вразумительных причин, непонятных их разумению – разумению дельцов. Они не оставляли попытки, ведь они следовали традициям своего клана – преумножай богатство. Если товар есть, он не должен лежать, простаивать. Он должен приносить прибыль. В данном случае, в виде преференций в бизнесе и престиже самих их – ее опекунов.

Дурочка сестра – бегала от своего счастья. Но понятие счастья их было абсолютно разное с понятием счастья ее. Они были другие – их миры. Не могли они быть вместе гармонично.

Самое трагичное для самой Рами, что у нее развился комплекс боязни мужчин. Она избегала встречи с ними даже взглядами. Прикосновения, даже случайные, пронзали ее тело как электрическим током. Даже при попытке взять протянутую ей книгу от мужчины – коллеги по работе. Она не могла ничего с собой поделаться. Ей дали прозвище – Снежная Королева.

Молодая, красивая, успешная женщина, перенесшая в жизни столько, что иному человеку в жизни не удастся, или менее трудно, она вынужденно жила по их законам. Контроль был строжайший. Братья могли войти в ее дом всегда. В любой момент. Очень часто она не хотела возвращаться домой с работы в больницу, зная, что там ее ждут ненавистные незваные гости – братья со своими женами, которым братья передали каким-то образом свою к ней непри-

язнь и презрение. Их жены вели себя по отношению к ней так же – с долей величайшей снисходительности, как и их мужья, только в отличие от мужей лишь за их спинами. Жены братьев наслаждались праздной жизнью после замужества, ведь они были из своего клана, они были женами своих мужей. Они были настоящими. И их дети тоже. Подтрунивали над ее работой в больнице и жизнью.

Братья это, видимо, поощряли, не обращая внимания. Но она не жаловалась. Никогда, никому. Она поняла, что она одна. Нельзя так кому-то открыться и в любой момент ожидать, что этот человек станет врагом. Пусть лучше враг остается врагом. Пусть враг будет обозначен. Она жила сама. В доме, не ставшем своим. Не надежном, как крепость. Их традиции заставляют принимать гостей всегда, даже когда гость нежеланный, незванный, ненавистный враг.

Глава 9

Она работала в госпитале хирургом. Спасала жизни людей, выполняла свой раз и на всю жизнь принятый долг операциями, ночными дежурствами и другими тяготами работы врача, соглашалась на ночные дежурства в больнице, задерживалась на работе. Этим очень был недоволен ее папа, он приказывал ей прекратить дежурства. Она противилась, продолжала так жить. Изучала медицину. Совершенствовала свои знания и практику. Знала – тем самым она может продлить то время, когда она принадлежит самой себе.

Ночи ее от такого графика стали очень короткими. Она разучилась спать. Ей хватало два-три часа, чтобы ощутить подобие отдыха, и ее это устраивало.

Она работала в обычном госпитале, а так как в их стране война никогда не прекращалась, то ее госпиталь мгновенно превращался в военный. Она спасала людей, пострадавших от настоящих пуль, взрывов, осколков, именно простых гражданских людей, не солдат. Потому что война ведется народом против народа соседней страны.

Улицы ее города были в ужасном, унылом, разбитом состоянии. Впрочем, что еще ждать от страны в войне? Она знала все эти переулки, проходные дворы – по ним она много раз ходила, возвращаясь с работы. Уставшая, но счастливая с чувством выполненного долга, что опять помогла

людям. Привычный маршрут. Ей нечасто приходилось идти пешком, водитель и машина были в полном ее распоряжении всегда, но она искала эту возможность пройтись одной. Одной, лишь с мыслями о себе, о месте ее в жизни, о работе. Все ли она сделала сегодня, что могла? Все ли свои знания применила, спасая людей на своем посту врача? Все ли умения ее оказались теми, которые помогли уменьшить боль и страдания? Днем или за ночь? Она шла домой, в тот дом, в который не хотела возвращаться. Перед глазами стояли ночные пациенты, кровавые жертвы чьей-то злой воли, если было беспокойно опять, или просто обычные больные с геморройными свищами и болячками на теле, старые бабульки, дети. Дети тоже были ее пациентами. Ведь она была детский врач-хирург. Только с огромной разницей – она обязана была уметь лечить всех. Всех, кто пришел сам или кого уже привезли к ней за милосердием и помощью. Таковы были реалии ее несчастной, но любимой страны. Страны, истекающей кровью, платящей за свою независимость жизнями людей.

Становясь врачом, она клялась тогда, в России, клятвой, которой верна. Не считала своего времени и сил, места ее работы или отдыха. Она готова прийти на помощь тем, кому она нужна, чтобы спасти жизнь. И свою честь. Вспомнила, как недавно на празднике в городском парке, у них тоже умеют веселиться и праздновать, увидела, как один мужчина вдруг закашлялся и повалился в траву лужайки. Она поняла

все. С ней в ее дамской сумочке она всегда держала набор хирургических инструментов. Самый начальный необходимый набор – скальпель, ножницы и прочее, понятное только медику. Она выхватила из футляра скальпель, уверенно пробила лезвием горло задыхающегося мужчины и вставила в отверстие свою шариковую ручку, отвинтив колпачок зубами и отбросив в сторону пишущий стержень, – ей необходима была лишь трубочка корпуса ручки. Через этот канал для воздуха мужчина задыхался. Рами стояла перед ним на коленях и зажимала рану ладонью, ища глазами спешащую к ним помощь. Все эти действия были сделаны ею на автоматизме, инстинкте помочь. Она не отдавала себе отчета, просто спасала жизнь человека. Она это умела делать отлично. Свою душу тоже она спасала этим – добром к людям.

Она была Тайной, но ее как бы не было на свете. Но вот же она. Вот – идет домой с чувством выполненного долга. Уставшая от своей работы с болью. Чужой болью. Она честна перед Аллахом и людьми. И перед самой собой.

Ноги привычно, в туфельках на небольшом каблуке, выбирали место, куда им ступить, лавируя между выбоинами и ямками на дороге. Рами думала о том, что и дома она не отдохнет. Душой не отдохнет. Ведь там всегда ранее ее ждал или ненавистный муж, который уже погиб, освободив часть ее души из страха, или ее братья с очередными друзьями – женихами. Она не хотела домой.

Дети находились под заботой нянь и домашних помощ-

ников. Она жила в достатке, с папиной помощью, которую не замечала, просто не задумывалась о бытовых проблемах, которые есть у большинства людей. Кто-то оплачивал зарплату ее домашним работникам, садовнику, няням, уборщицам.

Такая «королевская» жизнь, со стороны, но она тяготилась этим. Тяжело работала и не любила свой дом – дом страданий. Она получала зарплату за свою работу. Иногда она даже удивлялась – ведь она делает свою работу с удовольствием, с благодарностью в глазах пациентов, вылеченных ею. Ей нравится резать и шить, клеить и отрезать. Только эти действия с телами людей. Живых людей. Она доктор!

Пред ней пробежала кошка, остановилась, посмотрела на человека и мяукнула. Рами показалось, что кошка как бы подбодрила ее. Вот – даже животное понимает ее состояние сейчас.

Кто она в этой жизни? Почему она не принадлежит даже себе? Свобода ведь главная цель и критерий жизни человека. Где она для нее? Внешне, не внутренне. Кто поймет ее? Кто тот человек, который примет ее такую, которую не знает еще никто? Она сама еще себя не знает. Она не могла огрубеть от жизни такой. Она не позволяла себе струсить, дрогнуть – тогда это будет уже не она сама. Как же не хочется идти домой...

Отвлекаясь такими мыслями, повернула на следующую улицу.

Ей накиннули мешок на голову. Зажали рот грубо, заломили руки, повалили, схватили, потащили. Бросили в какой-то транспорт. На жесткий пол, какие-то ящики, она их чувствовала телом. Связали руки и ноги чем-то колючим и грубым, нанося ссадины и царапины. На мешок, или что там у нее на лице, наложили повязки – закрыть рот от криков. Стало трудно дышать, совсем трудно.

Такие действия с собой она не ощущала давно – с тех пор потерянного детства. Воздуха не хватало, было душно лицу под мешком, не проникал свет, ничего. Она лишь слышала короткие распоряжения, выкрикиваемые кем-то.

Начала понимать: ее похитили! Она видела такое в фильмах. Но ее... К себе она подобное не примеряла.

Они ехали долго, время замерло, только болели связанные руки и ноги, и острые края чего-то вонзались в ее тело. Кто-то сидел рядом, она слышала его слова. Не к ней обращенные – к тем, кто был еще.

Испугалась? Наверное, нет. Может, чувствовала обреченность? В ее жизни было все. Теперь и похищение – если это было оно. Просто ощутила очередное насилие над собой – те же самые ощущения беспомощности.

Не может она понять – возвращение домой или вот эта поездка, против ее воли, в неизвестность – все было невыносимо неприятно и ужасно.

Ее отнесли в какой-то сарай. Видимо, где-то в сельской местности. Там были запахи животных. Она их знает. С дет-

ства. Лошади? Овцы?

Она тут как жертвенный баран?

Не было мыслей, испуга почему-то не было. Сопротивляться? Кому? Чему? Она была готова как-то постоять за себя, если что. Ее не трогали, лишь сняли повязку со рта. Видимо, не боялись, что она будет кричать – наверное, далеко от людей. Мешок был стянут на горле – она была в темноте. Руки и ноги ей не освобождали. Ослабили веревки, лишь ослабили.

Она могла только лежать. На какой-то старой траве и ветках. Под ними была твердая земля – она даже знала цвет этой земли. Такая была везде в ее стране. Красно-желтая. Пыльная, когда сухо, и липкая, когда прошел дождь. Дождь случался нечасто. Твердая как камень земля родины.

Ей давали только пить. Двое. Один держал ее за плечи, приподнимая, другой ослаблял мешок, слегка стягивал его с головы, не до конца – глаз не освобождая, да и зачем ей освобождать глаза, когда она их держала закрытыми, знала, что ничего и так не увидит. Освобождали только рот и подносили глиняную миску, вливали в рот воду. Теплую и вкусную – так ей казалось. Еды не было. Вообще. Она и не хотела. Видимо, организм не требовал. Она могла обходиться без пищи долго – так она себя приучила. Не было смены суток. Не было отчаяния. Не было страха. Было только навязчивое беспокойство за одно – что стало с ее волосами? Ее длинными, до пояса, волосами, ее гордостью. Ее заботой, ее красо-

той. Что с ними? Они перепутались, грязные, поблекли?

Может, она отвлекалась такими простыми мыслями, чтобы не впасть в панику? Не думала ни о чем. Установила сама себе такой барьер, защиту психики внутри себя. Сохранялась внутренне. Привыкла за свою жизнь. Лишь так противостоять – лишь внутренне.

И волосы, которые она не может расчесать.

Время слилось в единое. Она не реагировала на какие-то события извне. Их и не было. С ней не разговаривали, не обижали – если так можно назвать похищение – не обижали. Иногда приносили какие-то лепешки – хлеб. Не нужно ей, не хочется.

Когда, после бесконечного дня или ночи, ее опять куда-то повезли и сняли мешок с головы – она увидела лицо брата. Старшего брата. Ее освободили?

Дом. Ничего не значащие слова, пытающиеся подбодрить, утешить, она не воспринимала. Главное – нет мешка, руки и ноги развязаны.

Душ! Душ! Душ! Вода!

Смыть с себя кошмар, но не заключения, нет – кошмар насилия над нею. Насилия в самом страшном для нее выражении – лишении свободы. Даже такой «свободы», в которой она живет. Даже такой.

К ней приезжали родственники, из тех, кто был посвящен в ее историю, сочувствовали, спрашивали.

А что она могла рассказать? Мешок и волосы?

Папа лишь не приехал. Был занят – как всегда.

Детям не рассказывали ничего. По их малолетству. Мама уезжала в другой город по делам. И все. Она тоже не рассказывала – не знала, что рассказать. Темноту? Жажду? Несвободу? Нет, детям она ничего не рассказала. Подыграла общему спектаклю.

Позже она узнала, что похитителям были заплачены большие деньги, и очень быстро. Ее вернули они сами. Подробностей нет. Что бы дали ей – эти подробности? Лишний стресс, от осознания опасности, в которой она была?

Мотив похищения Рами не узнает никогда. Не привлекалась полиция, ни один официальный орган правопорядка. Клан все сделал самостоятельно. Выкуп – деньгами. Без огласки.

Это тайна. Как всегда – тайна. Все, что связано с ней. Она – Тайна.

Немного позже она узнала, опять же по слухам, что все похитители были найдены, деньги вернулись назад в семью, похитителей никогда никто больше не найдет.

Это не было жестоко. Это было необходимо. Тайна должна сохраняться даже в ущерб самой Тайне.

Глава 10

С тех пор ее еще больше стали охранять. Два сменных водителя из числа родственников – на работу и с работы.

Она не могла остаться одна нигде. Лишь ночами в своей комнате, запершись на ключ, или на ночных дежурствах. Там она жила. Ночами. Для себя. Лишь ночами. Раздумывала о своей судьбе. Будущего не было. Ее будущего.

Она не опустила руки, не махнула на себя рукой – для кого быть красивой? Ведь красоту девушки знает парень. Но ей не хотелось кого-то подпускать к себе и тем более открывать свое сердце.

Чтобы коротать эти ее короткие ночи одиночества, она пристрастилась курить шиш – кальян. Когда-то муж – тот самый садист – первый раз предложил ей попробовать кальян. И она нашла в этом процессе какую-то свою задумчивую прелесть. Сладкий дым, бульканье и мерцающий уголек. И покой.

Курила очень часто. Много. Стала собираться коллекция кальянов. Ей их дарили, заметив ее интерес к этому времяпровождению. Дом был огромный – и целая отдельная комната была заставлена дорогими авторскими кальянами. Ей нравилась сама возможность побыть там, в мире грез и покоя, когда одна, а когда приходили немногочисленные подруги, то и поговорить обо всем, о чем хочется в этот мо-

мент.

Кальян – приспособление громоздкое, неудобное – на работу не возьмешь. Да и в госпитале нельзя курить кальян. Она начала курить сигареты. В перерывах между кальянами.

Сняв медицинский халат, потому что он сильно мог провонять запахом табака – не одобрили бы ни коллеги, ни пациенты, – выходила из своего кабинета, поднималась на чердак больницы. Курила. Потом возвращалась, немного удовлетворив свою жажду. На это уходит здоровье – она знала, но для чего оно ей, здоровье? Для кого? Казалось, что не действовало на нее ничего из вредного.

Она была спортивная. Следила за собой. За фигурой, тонусом мышц, ходила в спортзал, любила воду, плавать, бегать, ходить. Она любила танцевать восточный танец живота. Это гимн грации и пластики женского тела. В их стране это хотела и умела каждая девочка, каждая девушка, женщина. Она тренировалась с детства. Ритмичные движения, когда танцует все тело, когда движутся руки, ноги и все, что можно почувствовать в танце. С ее великолепной фигурой это было очень восхитительное зрелище. Ходила в студию восточного танца.

Когда был жив муж, она, несколько раз уступив просьбам, соглашалась и танцевала для родственников и гостей. Но не видела среди зрителей того единственного, на которого она могла устремить свой влюбленный взгляд – взгляд богини, рабыни его.

Мужа не было в этих мечтах. Никогда. Для него только такая вот издевка – видишь и не получишь. Его казнь продолжалась именно так.

Рами очень любила танцевать. После того как осталась одна, овдовев, она совершенствовала искусство танца. Не задумывалась, для кого этот танец с выраженным сексуальным подтекстом, если она одна. Этот танец для любимого, для желанного. Для любви, в любви, во имя любви. Рами не нашла, не встретила своего мужчину. Иногда, когда оставалась одна дома, что случалось нечасто, включала громко музыку – самую волшебную мелодию для танца – и танцевала перед большим зеркалом. Танцевала, ощущая свое совершенное тело и возможности его.

Теперь уже для себя самой. Все наряды, которые были куплены ею для танцев, лежали в шкафах и сундуках. Нет праздника в ее жизни. Нет любви. Что это такое? Любовь. Она не знала сама. Не случилась.

Бывало, что слезы текли по ее щекам и щипало глаза, но она грациозно двигалась, как бы летая по комнате, едва касаясь пальцами ног ковра на полу, и отдавалась мечте – мечте о танце для любимого мужчины. Который обязательно должен найтись. Вера в древнюю легенду о двух половинках человека была в ней всегда. Рами знала, что путь к этой мечте, к этой находке, к этой встрече, знакомству с ним – произойдет однажды. Обязательно произойдет.

Она танцевала. Дрожь гибкого тела пробегала по ее телу,

уходила в грудь и руки, поднятые в грациозных движениях. Ноги, казалось, жили сами собой. По ее животу и бедрам проскакивали как бы электрические импульсы, от которых волнами расходились разряды к каждой мышце тела танцующей женщины. Она извивалась в танце как змея – кобра, готовая укусить или сначала загипнотизировать, а потом все-таки укусить поцелуем его – того, кого она встретит совсем скоро.

Прекрасная одинокая женщина в золотой клетке отчуждения, недоверия, тайны. Вера в счастье не покидала ее. Она была спрятана очень далеко в ней, не видимая никому, не выдаваемая наружу, ни вздохом, ни взглядом. Он придет – и расколдует ее. Растопит сердце Снежной Королевы. Она знает, что оно горячее и жаждет любви – когда-то она дождется.

Совершенствуясь в своем владении телом, она изнуряла себя упражнениями. Всегда, когда позволяла обстановка и даже когда не позволяла. На работе, между приемами пациентов, в дороге в автомобиле, который вез ее к очередному больному, куда-то на край города или страны. Попробуйте вдохнуть глубоко воздух в грудь и задержите дыхание – сразу напрягаются мышцы живота. Этой тренировкой она часто занималась в минуты покоя.

Ее тело принадлежало лишь ей самой, и она была очень заботливой хозяйкой. Хотелось большего. Еще красивее, еще гибче, еще сильнее. У нее для этого есть и возможности,

и знания, как и желание.

Она приобрела обручи для гимнастики. Очень тяжелые обручи. Специального заказа. И крутила их, извиваясь телом внутри вращения, получая от усилий и усталости какой-то особое блаженство! Она чувствовала свое тело, работала над ним. Любила его. Обручи также крутила на шее. Это было привычно. Дыхательная гимнастика, массажи, процедуры, косметические маски – все, что она могла себе позволить в небольшие часы, когда она была вне работы, средства позволяли. Здоровое питание – она знала все о диетах и правильном подборе еды. Вплоть до клеточного уровня. Она изучала это. Ей это было интересно. Ее советы, которые она давала по просьбам знакомых подруг и родственников, принимались сразу как истина.

Она была красива. Той внеземной красотой, которую редко встретишь в жизни. Многие завидовали ее красоте. Злые языки говорили за ее спиной, что такая фигура и волосы – от шайтана. Не может быть так красив простой смертный.

Она – могла. Ей нравилось быть красивой. Она верила, говорила сама себе, что она для Него. Для своего мужчины, которого она когда-то встретит в жизни. И отказывала всем, кто сватался к ней. Протеже братьев, папы и родни ее не интересовали. Она хотела сама. Того самого зова сердца.

В их стране мужчина главный – он владеет женщиной. Всегда. Женщина подчиняется беспрекословно. Так она видела в своем окружении – так учила ее религия.

Когда папа, под угрозой какого-то наказания, убедил ее прекратить так себя мучить ночными дежурствами в госпитале, она все равно не могла долго спать ночами. Привычка уже была в ее крови. Она закрывалась в своей комнате и оставалась наедине с книгами. Она очень любила читать. Еще со студенческих времен, когда она открыла для себя русскую литературу. Русских классиков. Приняла их в себя, поняла, что это ее мир, ее чувства, ее Россия, по которой она тосковала сильно. Не эта страна, где она сейчас, а Россия. И русский язык – это тот язык, благодаря которому она вышла душой из клетки, оставшись телом в ней. Язык, который научил ее думать иначе. Она скупала все русские книги, которые могла найти. Библиотека ее росла, и в чтении она удалялась от своего чуждого ей окружения. Она была одна.

Глава 11

Рами познакомилась с медсестрой из больницы. Та приехала из Узбекистана когда-то, выйдя замуж за мужчину из этой страны. Ее звали Динара, Динка. Вполне русское имя, как казалось ей. Они с ней сошлись именно на знании русского языка. Динара была на двенадцать лет старше. Это не было важным в их дружбе. Главное, она нашла выход из того окружения, что вокруг нее. Из того навязываемого мировоззрения, который она отвергла раз и навсегда – уже невозможно определить, когда это случилось. Они стали подругами. Рами вновь говорила на русском языке, языке ее юности и свободы. Динара говорила с тем акцентом, который очень заметен любому русскому, но Рами не обращала на акцент внимания. Не это было главное! Она опять могла слышать и общаться на языке, в который влюбилась!

Рами была врач, одна из самых известных в городе, а Динка была лишь медсестрой. Рами, чтобы не испугать новую подругу этой разницей в социальных статусах, стала всячески ухаживать за этой дружбой. Дарила подарки, внимание. Допускала какие-то дозволенности по отношению к себе, чтобы не ощущала новая подруга пропасти, которая разделяла их по правилам страны и клана. Родственники за этим наблюдали снисходительно. Динка прошла проверку – она не представляла угрозы.

Они стали много свободного времени проводить вместе. Смотрели русские фильмы, слушали русскую музыку. Говорили на том самом, близком ей языке. Мелодичность и особую осмысленность языка она поняла еще в Москве. Очень любила разложить вдруг неизвестное сложное словосочетание на части и разобраться в устройстве. Она совершенствовалась. Она создавала свой мир вокруг себя, чтобы хоть иногда чувствовать свободу. Замечательно, что никто из ее окружения дома не знал русского языка. Это создавало иллюзию вседозволенности, что ли, в выражениях словом. Тогда она вспоминала ругательства на русском – смачные и выразительные. В моменты отчаяния. Она не стеснялась – это все равно, что говорить с дельфинами. Кругом были именно полумозговые существа. Они в своей назойливой опеке выплескивали вместе с водой ребенка, в данном случае – ее сущность, ее Я. Рами не поддавалась. Она бунтовала. Теперь она не одна, теперь у нее есть подруга. Которая понимает ее – ей казалось. Она цеплялась за эту веру в дружбу. Она дружила с Динкой честно и бескорыстно, осыпая подругу своей добротой.

Динка была к ней приближена максимально. Иногда она чувствовала, что она ее сестра, почему-то. Наверное, оттого, что русский язык, который не понимает никто вокруг – ни на работе, ни в быту, стал способом их тайного общения. Они могли перейти на русский сразу, высказав свое впечатление от события. Матом. Ей очень нравилась краткость рус-

ского мата. Его какое-то озорство. В отличие от иностранцев, которые заучили слова брани на русском и применяют это везде, где могут. Показывая, что они тоже знают мат, но не понимая иронии и смысла, издевки и уважения, унижения и впечатления, которое другими словами трудно объяснить с той емкостью, как не на русском мате. Рами этим знанием владела. С Динкой. Правда, Динка больше употребляла мат в разговорах даже между ними – Рами это коробило. Динка, видимо, поняв, что в мате ее знатная подруга находит некое наслаждение, вспоминала новые слова, если они вдруг отыскивались в ее памяти. И не знала границ. Может быть, даже чуть издеваясь.

Но они были вместе. Вместе ходили в сауну в ее доме. Она ведь любила все, что идет на пользу ее красоте. Сауна, бассейн, прогулки, кальян.

Всем этим она делилась с Динкой. Не для того, чтобы понравиться и притянуть еще больше подругу, а просто потому, что она считала это само собой разумеющимся. Ведь они друзья. И что с того, если ее финансовые возможности намного больше свободны, чем у Динки – она с радостью отдаст все, что та попросит. Или намекнет. Это доставляло ей удовлетворение – помочь нуждающейся. Со всем вытекающим отсюда – по заработку тоже. Но она никогда не говорила об этой разнице. Они ровня. Они подруги.

У Динки было трое детей-подростков. Рами стала принимать участие в их жизни. Поставила себе в приоритет обра-

зование детей Динары. Рами оплачивала их обучение в престижных школах города, где, как ей верилось, детей подружки научат нужным и качественным знаниям. Она принимала участие в их судьбе совершенно бескорыстно. Учебники, школьная форма, репетиторы для дополнительных занятий – все, как и к своим родным детям. Деньги для этого она брала из того не огромного, но все-таки источника средств, что ей выделял регулярно папа, пытаясь откупить, наверное, свои отцовские чувства материальной помощью. Сказать, что это было просто, нет – ведь все ее расходы строжайшим образом были подконтрольны ее братьям. Счета проверялись, и при любых сомнениях задавались вопросы: куда ты тратишь деньги?

Это жизнь под колпаком. Она научилась. Она хитрила, обманывала своих контролеров. Убеждала, что суммы, а там получались довольно большие по меркам ее страны, она тратит на своих детей, которые тоже были в школьном возрасте. Видимо, эти объяснения, каждый раз новые, удовлетворяли братьев, которые были богатыми людьми, и они закрывали глаза на траты сестры. Подобно руке дающей, всегда заказывала что-либо из одежды, аксессуаров в интернете с доставкой по почте, и всегда в двух экземплярах. Для подружки. Для той, которая была ей необходима для глотка воспоминаний о России.

Она взяла на свою заботу все денежные расходы Динары. От больших до самых мелких.

Динка пыталась как-то даже заняться бизнесом, медицинским – кто-то ей посоветовал. Конечно, попросила кредит на первое приобретение у подруги. С заверениями отдать. Как разбогатеет.

А это значит – никогда. Рами давала. Больше, чем было испрошено. В отличие от Динки она могла просчитать свои возможности. Она не была в доле, и если подруга просит, то она сделает для нее все.

Конечно, Динка погорела. Она не состоялась, ее выгнали, она подвела, она проторговалась. Деньги Рами не требовала назад. Никогда не заводя разговор о неудачных попытках Динки. Так она понимала дружбу. И русское общение с русской, как ей казалось, душой.

Динка, принимая подарки, очень сдержанно благодарила, пытаясь показать свое достоинство как бы: если ты так предлагаешь – я возьму. Не стараясь уловить в таких ответах двойной смысл, Рами радовалась, что она нужна подруге. Решала даже какие-то проблемы через могущественных родственников своих, возникающие и необходимые для Динки. Она приняла Динару.

Динара стала ее тенью. Динара стала ее подушкой откровений, куда выплакивала Рами свои проблемы, получая в ответ очень осторожные советы. Динара боялась могущественного папу и братьев.

Ни красотой, ни статью, ни фигурой Динка не была и чуть близка к ней. Абсолютно. Маленькая – нулевого размера

грудь, узкие бедра, вечно уставшее лицо, может быть, от зависти – Рами не задумывалась. Конечно, Динара стала копировать ее. Это было очень нелепо. Ее фигура, волосы, лицо, знания, в конце концов, не шли ни в какое сравнение. Но она копировала. Такое всегда делали люди, которые хоть чуть-чуть как-то соприкоснулись с Рами. Она так действовала на всех. Ее любили и восхищались. Были ли там иные чувства, неизвестно. Скорее всего, так мы следуем идеалу, который нечаянно находим, даже не отдавая себе иногда отчета в том, насколько это невозможно по различным причинам.

Динка пыталась отпустить длинные волосы, ни в какое сравнение не идущие с волосами Рами. Там на Востоке волосы – это главное украшение женщины. И поэтому так много требуют внимания и ухода. Наверное, так везде.

Раз в год Рами отрезала покороче свои отросшие волосы и отдавала Динке, по ее просьбе. Динка забирала ее волосы прямо из парикмахерского салона. Она их продавала – знала тех, кто покупает волосы, срезанные в парикмахерских, за неплохие деньги, в зависимости от качества и длины. Волосы подруги были шикарны. Как шелк. За них давали очень много денег. Динка выручала за них 400—600 долларов.

Рами не возражала, если подруге надо – с нее не убудет, отрастут быстро. Это такая малость из того, что она еще может сделать для единственной, до такой степени близкой подруги.

В сауне-хамаме, где регулярно они принимали процедуры чистоты, Динка, конечно, помогала всячески, ублажая богатую подругу. Намыливала ей спину, руки, ноги. Делала маски на тело, поливала водой. Делала массаж, как могла.

Рами благодарила за помощь. Ведь она то же самое могла бы сделать для подруги. Попроси она об этом. Но та лишь ухаживала за ней и отказывалась от ответного действия. Это было нормально. Она была счастлива в такие вот минуты блаженства, ощущения тела и чистоты – она очень любила это состояние. Но не с отказом от всего, что вокруг. Ее принципы были в том, что она здорова и может быть примером в уважительном отношении к своему телу. Она знала все процессы, происходящие в человеческом организме – она врач, и люди вокруг доверяют ей свои проблемы и болезни, которые она вылечит или облегчит, если сама будет примером здоровья и красоты.

Глава 12

Рами боролась с родственниками, для которых никогда не станет своей. Боролась за себя, за свою свободу от традиций и правил клана, которые ей были во многом неприятными. За то, что ее судьбу решают все, но не она сама. Никто никогда не спрашивал ее, а что она думает или чувствует. Тому были многочисленные примеры в ее жизни. Она была неофициальная дочка, бастард, приемная, найденыш, удочеренная, чужая при родном отце. А отцу необходимо было сохранять тайну ее жизни из-за его работы и чистоты клановой национальности и веры.

Рами мусульманка. Как папа, как братья, как все вокруг в их стране. Это ее вера, ее жизнь. Ее сущность. О чем ни капельки не сожалела никогда. С детства она проводила время за чтением священного Корана. И в беседах о вере вникала в глубину знания, которую познавала. Со всей убежденностью в истинах, которую излагали ей священники и старшие. Все обряды соблюдала, все правила. Разговаривала с папой о мусульманстве, иногда задавая ему неловкие вопросы, вполне миролюбивые, от желания знать. Если папа затруднялся с ответом, то она искала его сама. И находила. Это не сделало ее, в отличие от членов ее клана, отрицателем прочих религий на планете. Она изучала их тоже – другие религии. Для подтверждения своей. И принимала, что воз-

можно и другие веры, и иные люди, традиции. Жизнь многогранна. Это она увидела в России, где многие веры живут и существуют рядом, где допустимо мирно жить без религиозного подтекста, деления на верных и неверных, она поняла это.

Папа незримо присутствовал где-то в пространстве. Контакты были минимальные – он полностью отдал ее судьбу, контроль над ней своим сыновьям. Она это ощущала. Контроль.

Как-то на одном празднике – банкете, по какому-то поводу устроенном непонятно кем и с приглашенной ею, – мимо столика, за которым она сидела, прошел молодой парень, незнакомый. Он просто сделал движение руки из кармана костюма, и Рами увидела на столике рядом с собой листок салфетки с номером телефона и надписью «Ты мне нравишься».

Она приподняла глаза, но парень уже ушел. И мгновенно возле нее возник старший брат – самый главный ее тюремщик. Протянул руку, требуя отдать ему записку. Она мгновенно скомкала салфетку и, запихнув в рот, проглотила. Свой поступок она для себя объяснила, что тем самым спасла парня, которого даже не знала и не видела, от разборок и неприятностей с братьями и кланом, от возможного плохого, что ожидает любого чужака.

Ее страна была небольшая, и перемещения ее вне охраны были очень редки, всегда в сопровождении братьев. Она

не путешествовала – ее вывозили в поездки, нужные кому-то из родни. Как балласт, как символ ее несвободы. Даже не спрашивая ее согласия: «Нужно, и будь готова – машина выехала за тобой». Что она видела там в других странах? Что посещала? Лишь то, что разрешили ей в графике деловых поездок родни. Она знала – нет альтернативы. Ее никогда никуда не отпустят одну или с подругой. Опасность такой желаемой самостоятельности была подтверждена ее похищением когда-то.

Лишь Россию она вспоминала с особой тоской. Там она была счастлива. В силу своего возраста. Молодость – время надежды. Ей не разрешено также было поддерживать связь с оставшимися там, в той огромной стране, подругами-однокурсницами. Нельзя. Все по тем же причинам. Молодая женщина была ограничена поводком привязи. Она понимала. Страдала и принимала. Виноватая без вины. Грешница без греха. Из-за того, что она не опускалась до небрежного отношения к себе, своей внешности и телу, и неприступности мужчин, которые сходили с ума от ее красоты, ее наверняка считали испорченной. Безродной, оторвой, шлюхой, разбивающей сердца мужчин. Именно вот так – гадкие слова как пощечины.

Глава 13

Родственники, которые обладали ее тайной, составляли самый близкий круг. Братья, папа, тетя. Кто был в курсе со стороны родни погибшего мужа, не знала, и ее это никогда не заботило. Она жила так. Меньше знаешь – спокойней принимаешь ограничения жизни своей. Чтобы не потерять рассудок и силы.

Дети были с ней, она могла дать им образование и участие. Внимательно заботилась об их здоровье и образе жизни – правильном, о таком же, какому следовала сама. Ну разве за исключением увлечения кальяном и сигаретами.

Приобщала детей к спорту. Те охотно принимали участие в занятиях вместе с мамой. Это была игра для их здоровья. Вечерний стакан молока с медом у дочки и такой же, без меда, у сына. Падчерицу она не обижала. Просто видела, что она не любит мачеху. Ну что же, это не отрицает их жизнь вместе. Свою дочку отправила на курсы карате. Было очень модно. Но, скорее всего, просто хотела, чтобы девочка могла в будущем своем постоять за себя. Если не дай бог случится что-то опасное. Пусть знает, что она может защититься. Конечно, этого она не говорила, но само развитие девочки в спортивном стиле – это ведь сущность ее самой. Сын тоже был спортивный, тоже рос, вытягиваясь в симпатичного паренька.

Учеба у детей была отличная. Они выигрывали конкурсы в школах. Это тоже было предметом ее гордости за детей. Репетиторы и дополнительные занятия детей совсем не утруждали – учеба очень легко им давалась. Так же, как ей в ее детстве. Она готовила их к жизни, не такой, как у себя. К иной, той, которую она представляла ночам в своей комнате.

Дочка часто начинала ночь у нее на кровати, они говорили обо всем. О детском и не только. Дочка любила, когда мама гладит ее волосы, и сама тоже держала свою маленькую ручку в маминых длинных волосах. Такая картинка из детства – ее детства. Мама и дочка.

Она пела ей колыбельную русскую песенку, когда-то услышанную ею еще в России:

Как по озеру лесному

Белый лебедь плыл

И, качая головою,

Тихо говорил.

Девочка не понимала, о чем поется в песне, но мамин голос успокаивал и защищал. Дочка закрывала глаза, засыпая, и лишь просила маму не прекращать петь ей эту песню на языке маминой молодости:

У меня крыло больное,

Не могу летать,

Из-за этой малой ранки

Должен я страдать.

И часто слезы выступали у Рами на глазах. От необъясни-

мой печали. Может, о своей маме, может, о своей жизни, может, о будущем своих детей. Восточная женщина с русской душой. Прекрасная и одинокая. Как может быть одинока самая земная внеземная красота. Которая для всех и ни для кого.

Глава 14

О детях заботились няни. Родственники старались отгородить ее от этой заботы – наверное, боялись, что она своим влиянием на детей сделает их такими же неугомонными, как она сама. Рами не вмешивалась в бытовую сторону детей, она не умела готовить еду, да ей и не нужно было, с ее минимальными потребностями в пище. Только заботилась о правильности питания детей и родственников, если те хотели прислушиваться к ее рекомендациям. Она не считалась со временем, объясняя и уговаривая даже принять то, что она как врач рекомендует. На работе ее уважали, пациенты госпиталя и города, да что там города – ее маленькой страны, искали встречи с ней именно с Докторе Руссия – Русский Доктор. Так ее называли те, кто не знал по имени. Все знали, что она училась в России в Москве. И это был знак качества и престижа, качества и доверия, который она подтверждала своим лечением. Своим проникновением в нужды и тайны болезни людей. Казалось, она научилась лечить не только тела, но души. Пациенты отказывались от других врачей и искали ее – просили о приеме. Приходили в другой раз, если Докторе Руссия была занята. Там не принято, чтобы пациент оплачивал работу врача деньгами. Это неправильно. Но благодарные пациенты, а это в основном были простые бедные люди, впрочем, как и многие жители ее страны вообще, они

приносили банки варенья, соленья и прочие нехитрые заготовки, сделанные дома ими или кем-то из родных. Просили принять дар в благодарности. Она принимала, не в силах обидеть отказом. Она видела их глаза и знала их боль, которую, как могла, минимизировала своим знанием.

Пациенты уходили преисполненные чувства благодарности за то, что Докторе Руссия приняла их скромные дары – так уютно им в душах, а Рами, взяв эти банки и корзины, раздавала их по больнице. Медсестрам, служащим, охранникам – тем, кто нуждался более, чем она. Пусть такой малостью, но от чистого сердца она творила добро. Так она себя ощущала. Жить для людей. И если она в жизни выбрала такую профессию врача, то она будет лучшей по излечиванию всего, с чем столкнулась и столкнется в дальнейшем. Она училась, читала медицинские статьи в научных журналах. Ездил на симпозиумы, консультировалась, слушала, применяла.

Ей это было приятно и нетрудно. Ведь она человек, ей «повезло» быть богатой. Ее долг – делиться с теми, кто в нужде.

Родственники постоянно приводили на прием к ней или отвозили ее на визиты к другим пациентам – богатым, из знатных семей ее страны. Она ездила туда. Но не как к престижному больному, а как к человеку, который ищет ее помощи, ее лечения. Часто покупала лекарства за свои деньги для больных, у которых не хватало средств или для ко-

торых снадобье было очень дорого. Просто так. Потому что видела иногда, что родственники больного не заинтересованы даже что-то тратить на здоровье человека, зачастую очень старого человека, к которому она пришла на помощь. Она научилась это замечать и сама выписывала рецепт для покупки самой же лекарства, необходимого для больного. Она жалела и уважала старость потому, что видела чуть глубже, чем морщинистое седовласое и изможденное лицо. Она видела через перископ глаз стариков их души, страдания, пережитое.

А может быть, она хотела именно через этих старых людей передать что-то для мамы, но не подталкивая их к этому, а продлевая жизни их своим врачеванием, чтобы в конце их жизненного пути они вспомнили о красивой доброй Докторе Руссия. Передали там, что дочка выросла достойной памяти мамы.

Есть такое понятие – капсула времени. Она видела в стариках такие необыкновенные хранилища их жизней, прожитых вопреки, а не благодаря правителям воюющей страны. Что они забирали с собой – лишь доброе слово и понятливую заботу, но не от родных детей, а от Докторе Руссия. Пусть так и будет:

– Когда Аллах призовет вас на встречу пред своим ликом, вы знаете, для вас я сделала все возможное и невозможное. Отдала вам кусочек себя. Передайте это маме, когда встретитесь там – там, откуда когда-то прилетело то перышко в дет-

стве. Там, где всегда добро.

Она помогала многим семьям в городе. Отдавала свои или специально купленные вещи бедным. Жертвовала денежные суммы. Деньги для нее были как конфетная бумага. Она не испытывала проблем – богатый папа оплачивал все расходы.

Не любила одеваться богато, хотя могла себе это позволить – ей это не нужно. Оттого, что фигура и тело ее были идеальны ее работой над собой, она могла надеть абсолютно простую недорогую одежду. И на ней она смотрелась как одежда брендовых модных марок. Она украшала одежду, а не наоборот.

Злые языки, сдерживаемые знанием, кто ее отец, вернее, кто ее родственники, все равно распускали всевозможные призыванные оскорбить ее слухи – она была выше их. Не принимала никакого негатива со стороны. Ей хватало той атмосферы жестоких правил, которые были у нее дома и в ее жизни всегда.

Творила добро и кидала его в воду – так она когда-то слышала в России.

Скажете – скучно? А вот и нет. Она находила покой для себя, в заботе о нуждающихся. Могла помочь, хотела и помогала.

Глава 15

В очередной раз она сидела на организованном для нее братьями свидании с женихом. Она сидела с их другом в ресторане. Ей было смертельно скучно и неприятно быть в обществе навязанного ей мужчины. Само ощущение, что эти смотрины предназначены лишь для того, чтобы «жених» хвастался своим богатством. И щедростью, как-то узко направленной на самого себя. Он заказал так много еды, мясной – жирной и пряной. Стол на двоих был заставлен многочисленными блюдами, которые издавали запахи его возможностей. Он прокомментировал ее вопросительный взгляд объяснением:

– Я очень люблю поесть. Особенно для того, чтобы я смог понравиться такой красивой девушке, как ты.

Что он этим хотел сказать, Рами не поняла, но ей стало противно.

«Жених» ел, а Рами искала повод уйти.

Она легко чувствовала пустоту человека именно в его внутреннем мире. В его эрудиции, знаниях. Она не видела ни в одном из навязываемых ей вариантов того, кто хоть как-то приблизится к образу, придуманному ей самой для счастья. Ничего не ёкало в ее сердце, и внутри оставалась то же самое сердце Снежной Королевы. Снежная Королева и всё. Прекрасная и неприступная. Все ее женихи кичились богат-

ством, полученным от родителей, унаследовав его, не приложив ни ума, ни усилий. Они все были из богатых фамилий, и уже это поднимало их самомнение в собственных глазах. Они любовались собой, показывая как бы ненароком дорогие часы, перстни, цепи и браслеты, дорогие костюмы – все то, что, по их мнению, должно впечатлить невесту. Ни один не пытался понравиться ей своим умом.

Она тяготилась этим обществом фальшивых личностей. Богатство ей не нужно. Она достаточно обеспечена. У нее прекрасная любимая работа, где она достигла больших высот.

Но нет рядом родственной души, которую она сразу бы узнала.

И она отказывала. Уходила, прощалась.

Постоянно ощущала себя вещью, которую опять кому-то показывали ее братья. Они пытались лишить ее своего мира, который был иным с самого ее рождения. Она понимала, что никогда ее не примут как родную в эту семью, в семью ее отца. В которой она всю жизнь была лишней. Никем, тайной. Позором, проклятием.

Она сбегала к подруге в соседний город, когда догадывалась, зачем ей сказал брат, что завтра утром заедет за ней. Даже красила свои волосы в самые ядовитые и нелепые цвета – «пожар на голове», чтобы от нее сразу отказались претенденты. Знала – очередной жених, друг брата, будет показывать свою крутость и богатство. А глаза пустые. Совсем

пустые, только гордость в них за родню и предков. А что в нем своего? Что его интересует кроме денег и удовольствий? Ответы не оправдывали самых худших ожиданий. Она и не ожидала. Продолжала жить. Стараясь не вспоминать прошлого, которого не было. Но и будущее для нее было только в мечтах, жестко корректируемых братьями и отцом. Пытаясь найти некую защиту себя, прячась под тем самым прозвищем, которое ей кто-то когда-то дал, – Снежная Королева.

Ей даже нравилось, что ее так называют. Она знала еще из русского фильма-сказки, который когда-то смотрела, какая была Снежная Королева. Прекрасная, гордая, смелая, дерзкая, недоступная. Очень красивая женщина. С ледяным сердцем. Но в отличие от сказочной королевы, ее сердце было настоящим. Она не была выше людей.

В ее сердце помещалась вся ее страдающая страна. Она знала, что творится кругом. Разницу между людьми, не имеющими даже маленькой части такого богатства, как у ее родственников. О том, что отчаянные люди идут на риск и смерть в угоду истинным кукловодам – политикам ее страны. Она видела кровь, оторванные конечности, внутренности, мозги раненых, которые были ее пациентами. Война – вечная война. За что? За землю? За то, что не увидеть? За религию? Религию она принимала. Она ее искала, она ее ощущала, она верила. Не выделяя там свое место, которое есть в указаниях, трактуемых по отношению к женщине. Она

не хотела обсуждать это место. Так должно быть.

Сравнение с замурованными заживо не будет преувеличением для женщин, которые, согласно их традиции, выходят из дома только дважды: один раз – при переходе в семью в мужа, второй раз – на свои собственные похороны. Догматы, законы, правила – она с рождения в них. Они регулируют ее жизнь.

Она еще и работала – наверное, единственная из женщин семьи. Отец следил за тем, чтобы она работала именно в простом госпитале:

– Если ты хочешь жить как принцесса, то будь, а если ты упрямишься – то работай грязно и тяжело.

Конечно, жены братьев учили ее жить, презрительно недоумевая о том, что она работает как простолюдинка. Такая Золушка из сказки, только без принца своего. Жены братьев вели праздный образ жизни после замужества. Модничали, путешествовали с мужьями и развлекались. Они называли своей работой улаживание мужа и воспитание детей. И занятием своей внешностью – опять же для мужа. Так их воспитали в семьях родителей.

Несмотря на некую пренебрежительность отношения к Рами, они признавали – у нее есть вкус и шарм. Красота и ум. Они тоже пытались копировать ее – покупали такие же наряды, но не шло к их фигурам ничего так, как это смотрелось на Рами. Волосы они наращивали искусственно, косметические процедуры заменяли им спортзал. Рами все рав-

но была красивее их. Не действовала на нее трудная работа, тяжелые ночные дежурства, срочные вызовы. Она была источником их зависти и примера. Но не в том, как она работает над собой – обручи, спортзалы, занятия физическими упражнениями для поддержания себя в определенной комфортной ей форме, – нет. У жен братьев не хватало той настойчивости, упорства и выдержки. Зачем трудиться над собой так тяжело, если у них есть деньги? Косметолог сделает искусственные тела и прически, откачает жир и подтянет кожу, увеличит грудь и уменьшит нос. Все они могли позволить себе. Делать все равно нечего – дети под присмотром нянек и слуг, мужа постоянно в бизнесе и в разъездах. Лицемерие их было очень заметно. Когда, бывало, при беседе ни о чем с женой брата вдруг раздавался звонок мужа, то жена, конечно, отвечала на вызов, но видели бы вы выражение лица женщины во время этого. Неприязнь, отвращение и даже злость – отвлекают ее от разговора. Но голосом жена была такая, как положено быть супруге богатого мужа. Приветливая и ласковая. Нет, она не могла дать совет мужу по его работе, которая ей была непонятна, только дежурный вопрос:

– Когда ждать и какой подарок привезешь для меня и детей?

Трубка ложилась после разговора чуть ли не как использованная салфетка – брезгливость и раздражение.

Все это Рами замечала. Задумываясь, как можно и зачем так жить! Жене с мужем! Ведь они и не любят, наверняка,

друг друга по-настоящему, если нет заботы и интереса в голосе при разговоре с отсутствующим супругом. Лишь подчинение и неприязнь. Показное внимание на публике и противоположное за спиной мужа, детей и старших. Рами жены братьев не стеснялись.

Они знали историю ее рождения и жизни – мужа рассказали, конечно, свою версию. Самую гадливую и обидную, унижающую ее. Поэтому жены и вели себя с ней свысока.

Глава 16

Такая обстановка сложилась вокруг нее после смерти мужа.

Она с ужасом поняла, что ее падчерица, ту которую она воспитывала и заботилась, которая жила с ней в одном доме, окончательно приняла сторону ее братьев. Падчерица стала «работать» на братьев. Постоянное наблюдение за тем, что делает мачеха, контроль всего, что рядом. Все тот же час становилось известным братьям. Вплоть до пропажи мобильных телефонов – на время люстрации и при обнаружении их в самых неожиданных местах, после проверки содержимого. Падчерица мстила мачехе. Все контакты проверялись. Все фото просматривались. Вся жизнь была «под колпаком». Помимо ограничений секретности своего рождения и родства, она всю жизнь жила в состоянии слезки. Для чего, с какой целью? До сих пор у нее нет ответа даже приблизительного, даже намек. Для контроля всего ее существа?

Такого просто не может быть. Так неоправданно это все. Это делает жизнь невыносимой для нее как человека. Оттого она и не спала ночами. Наслаждалась часами темноты и одиночества, когда ее надсмотрщики отдыхают.

Ее дети росли талантливыми, сообразительными и красивыми. Это было заметно всем. Братья со своим потомством просто исходили черной завистью. Может быть, корили сво-

их жен, что их дети не такие, как дети сестры. Ведь по родству они не только мужья и жены, а троюродные или какие-то родственники одного фамильного клана. И все, что их соединяет, – во имя клана, для клана.

Отец был на пике карьеры. Он очень редко появлялся, полностью отдав права на нее, на заботу о ней братьям, иногда присылая подарки, драгоценности, которые были ей совсем не нужны. Она не любила золото. И хоть все знали или догадывались о ее вкусах в подарках, но как бы специально дарили ей безвкусицу – лишь бы золото и потяжелее.

Отказываться не было сил, потому что опять, как всегда, боялась спугнуть хоть такую заботу от отца. Папа оставался для нее самым родным. Но не могла она выразить эти чувства никак. Ее нет. Не существует.

Когда папа заболел тяжело с госпитализацией, она приехала в больницу в другой город, но ее не пустили к отцу. Пока не уйдут родные сыновья, пока не схлынут журналисты и фотографы.

Она прождала весь день, сидя в коридоре больницы, в самом ее незаметном углу. И плакала без слез. В руках она держала пакет, коробку с папиными любимым печеньем. Она знала его вкусы и специально заказала испечь ей их в кондитерской своего города. Представляла, как папа обрадуется визиту дочки и гостинцу.

Мимо шли люди, все двигались вокруг этого события с ее отцом, а дочка не имела права нарушить это действие даже

своей тенью – таковы правила ее жизни. Навсегда. Она не была в официальной жизни папы. Нет у него дочери – не существует.

Газеты, новостные каналы ТВ были заполнены фото и кинохроникой визита сыновей папы, вот папа лежит в палате, на обследовании, вот идет по коридору, сопровождаемый с двух сторон его детьми – опорой его клана, дает интервью о своем самочувствии. Улыбается.

Все есть – ее лишь нет. Вообще нет. А она спешила, она волновалась, может, больше всех – ведь папа единственный, кого она чувствовала родным, она его кровинка.

Кто, как не дочка, может искренне проявить заботу об отце? Она же сама доктор, она знает, что это был за приступ, что может быть. Знала, наверное, и как лечить папу. Готова была сидеть возле его кровати, держа за руку и следя за дыханием во сне.

Может быть, вспомнит маму – они вместе вспомнят. И он расскажет, какая была мама при их встрече. Вдруг скажет:

– Ты такая же красавица, как мама. Я люблю тебя, доченька.

Она не даст ему заплакать – почему-то ей представлялось, что папа должен заплакать, как и она, когда вспомнит маму, – она, конечно, заплачет. Папины глаза она вытрет салфеткой, сожмет его руку в поддержке – папа мужчина, он должен быть сильным. Это женские ее слезы привычно заполняют глаза.

Она так и не попала в палату отца. Передала печенье через врачей и уехала поздно ночью.

Глава 17

Для того чтобы попытаться отвлечься от своего одиночества среди людей, она стала играть в игры на телефоне и планшете. Простые игры, где можно выращивать цветы, сажать деревья, украшать город, тем самым забыться хоть на время.

Такие стимуляторы жизни, которую она может изменять по своим возможностям и желаниям. Так, как видит и хочет она сама, никому не давая отчета в действиях. Это был некий побег в мир мечты, которая не покидала ее. Вокруг было все то же самое. Работа, общение с Динкой, обязательные торжества и даты ее родственников, в которые ее вовлекали без ее желания. Ведь все это было в границах той же клетки из благополучия материального, но не душевного.

Телефонная игра, которую ей загрузила Динка однажды, показалась обычной. Построение и развитие своего виртуального города – просто, красиво и скучно. Но рейтинг игры был большой, и она подседа, распробовав градостроение.

Конечно, тяготило, что играть начала только и развивать город свой можно было идя по ступеням уровней, выполняя какие-то задания, задуманные автором игры.

Была возможность купить украшения и развитие городка за деньги, игровые и реальные. Хотелось сотворить свой мир – мир красоты и великолепия. И, может, проникнуть ту-

да, хотя бы во сне.

Оплата производилась автоматически. Она только нажимала кнопки подтверждения покупок. Суммы небольшие, и город стал расти. Тем более там были такие красивые, знаковые здания, достопримечательности и чудеса света. Покупала еще. Строила свой городок – красиво и только так, как захотела сама.

Старший брат однажды спросил:

– Куда ты тратишь деньги так регулярно? Почему? Ты, что, игроманка? Прекрати.

Рами не понимала – с таким богатством, как у брата, с его бизнесом в стране и по всему миру, он еще, оказывается, контролирует и ее банковские счета. Она не интересовалась, сколько денег там лежит, где и что. Папа регулярно переводил ей какие-то суммы, небольшие по меркам богатых людей, но существенные, чтобы она не ощущала изменения в свободе для себя совершать какие-то покупки в интернете и магазинах. Но даже эти переводы денег на ее счет отец не совершал сам – через других людей с иных счетов. Все продолжало держаться в тайне.

В этой игре Рами обнаружила появившуюся недавно функцию – чат. Онлайн. С игроками. Можно было написать вопросы, ответы, советы, приветствия, шутки. Ограничения чата не позволяли полностью насладиться общением с людьми из разных стран, возрастов, занятий. Все они были инкогнито, скрывались за аватарками и никами, но ей по-

везло – она нашла русскоязычных товарищей в чате. Это было как небольшое чудо. Ей так хотелось еще больше русского общения для себя. Русского духа, настроения, свободы в суждениях. Воспоминаний о Москве и России. Ее молодости. Она и сейчас была молода, но она так одинока. Еще не нашла цель жизни. Для себя. Для других она жила всегда. Она была как кукла, красивый выставочный манекен. Который можно именно выставить напоказ братьями перед своими товарищами. Она это знала. Очень мало было у нее возможностей делать что-то для себя самой, она всегда была нужна кому-то. Но не себе. Жить по приказам и без желаний, которые разнятся с решением мужчин из ее семьи.

В игре с чатом с русскими новыми друзьями Рами стала играть еще более упоенно. Она играла, уже не покупая игровую валюту, а зарабатывая ее, выполняя задания, но уже не одна. Она была с русскими.

Перезнакомилась со всеми. В том доверии, которое подразумевают скрытые за аватарками невидимые собеседники. Конечно, ее спрашивали, кто она, откуда. Она сказала лишь, что она из своей маленькой, но гордой страны. Название страны было в названии ее городка. Рами очень любила свою страну и гордилась тем, что она патриотка. Рассказывала в чате об обычаях страны, еде, что-то о фольклоре, истории. Собеседники были очень приветливые. И очень, как ей показалось, эрудированные. Потому что они не удовлетворялись, узнав что-то из ее рассказа о своей стране, а сами

вспоминали что-то из своего знания. Было интересно.

Рамаи все так же была очень загружена делами. В ее жизни ничего не поменялось внешне. Но она старалась при любом свободном времени брать в руки планшет и открывать игру. Увидеть знакомые аватарки друзей. Даже знала про каждого что-то из личного. Семью, детей, настоящие имена.

Глава 18

Но не только искала она кого-нибудь в игре, чтобы сказать «привет, как дела». Она искала Его. В игре искала присутствие его – очень приятного собеседника. Мужчину. Не парня молодого, а мужчину с опытом и знанием жизни.

Как она узнала это? Общение с ним приносило чувство какого-то слияния, единства. Он спрашивал о ее стране, религии, политике и знал тоже очень много. Казалось, нет такой темы у них, где она или он растеряется и зависнет, ища слова. Они разговаривали в чате обо всем. Другие игроки уже покидали игру, и лишь они еще не расставались друг с другом.

Если прерывалась как-то связь или дела заставляли ее или его покинуть такую встречу в сети, то она очень переживала. Она скучала по нему. Казалось, она нашла того, с кем ей хорошо. Пусть пока так вот. Она в игре была из-за него. Ей казалось, что он тоже как-то выделяет ее. Ей так хотелось, чтобы он был только ее собеседник. Обменивались впечатлениями от музыки, фильмов, книг. Он любил читать книги, так же, как и она. Даже в этом они чем-то похожи. Он не говорил свое имя, возраст, местонахождение. Она хотела это знать и боялась. Уже появилось доверие, но она боялась, что если она раскроет детали о себе более подробно, то вдруг чем-то не понравится ему – может, своей назойливо-

стью, и он исчезнет, уйдет из чата игры и из ее жизни. А она уже приняла его в свою жизнь – такого инкогнито, очень интересного собеседника. Понимающего и умного. Такого, которого ей так и не встретилось в ее жизни тут. Не показалось ни разу, ни в одном из кандидатов в мужья от братьев. В них не было ума, в том понятии, который, она знала, должен быть у человека, который ее поймет и примет. А он ее принял. И понял – она хотела так думать. По кругозору, по знаниям, по отзывчивости он становился привлекателен все больше и больше. И Рами писала в чате:

– Я арабка лишь по паспорту – я русская душой. Я больше ваша, чем их.

Этот ее мужчина, пока еще неизвестный, но уже ее, был настолько разносторонне эрудирован, что все темы разговоров по переписке они создавали сами, иногда из одного слова, на которое обратили вдруг внимание. Он был очень тактичен с ней в вопросах религии. Сам он не был очень религиозный христианин – хотя он так о себе и не говорил. Верующий – тоже не совсем. Скорей всего, человек, который уважает религиозные чувства людей и пытается разобраться в истоках веры. Его, конечно, заинтересовала ее страна, ее традиции и религия. Очень осторожно спросил про ее веру. Мусульманка – он это принял мгновенно, не делая акцента, или показательно не стал высказывать свое мнение, лишь спросил:

– Расскажи мне про ислам.

Очень нежно спросил, лишь прикосновением интереса.

Для чего – она не задумывалась, и она стала часто рассказывать ему про религию ее народа, страны. О правилах, обрядах, о Великой книге – Коране. Он внимательно слушал иногда, прося уточнить или объяснить еще раз понятней. Он ведь был русский, для него это было прикосновения к другому миру – ее миру, где она сейчас и всю жизнь. Она приняла раз и навсегда свою религию. Она занималась ее глубоким изучением. Интерес ее к вере был рядом с интересом к истории. Мира вообще и ее страны. Источники разнообразные. В школе не преподавали историю ее страны почему-то. Но она жила в ней, и ей хотелось знать, она всегда докапывалась до истины. До первого слова, до главного слова. Везде, и в религии, истории, медицине. Хотелось и в жизни, но жизнь она знала лишь ту, в которой жила. С давним глотком свободы в России. Она там была лишь дважды потом – на Рождество у подруги в Белоруссии. Это тоже для нее была Россия. Холод, снег, ветер, ничто по сравнению с теплом встречи и приемов друзьями юности. Теперь она вновь мечтала о России. В разговорах с русским мужчиной, на русском языке.

Понимали друг друга с полуслова. Это было восхитительно, ново, необычно, это было то, о чем она мечтала всю жизнь. Бывало, что интернет просто пропадал по вине, не зависящей от ее воли, – она ощущала себя как без рук. Очень скучала. По нему. Иногда так, что плакать хотелось поче-

му-то. А иногда так скучала, что смеялась – «после дозы», как она назвала себе то время общения. Он тоже признавался, что скучал. Дела, бывало, отрывали их – они ведь взрослые, а у взрослых свои взрослые дела.

Она терпеливо ждала, в промежутках ожидания, как ей казалась она ходила на работу, отказывала женихам, делала добрые дела, занималась спортом – все как обычно, как всегда. Но ее ждал он – желанный друг из интернета.

Пришла зима – время чудес и праздников для всего мира. Но не для нее – работа. Рами решила, что съездит опять в Белоруссию. Оставила для себя маленькую надежду полететь через Москву, город ее свободы и юности. Они списались с белорусской подругой, забронировала билеты на самолет. Почувствовала себя свободной вновь. Что-то сдвинулось в ней оттого, что она общалась с русскими друзьями в чате. Ее звала свобода – та, настоящая, а не искусственная, тут в клетке, охраняемой братьями.

До аэропорта нужно было ехать далеко – в соседнюю страну. Ее родина была маленькая, и аэропорта в ней не было. Она не задумывалась, почему так, не хотела о мрачном. Нет так нет. Она полетит в свободу. К свободе. Ненадолго, просто подышать, вспомнить, набраться сил на следующую жизнь.

Ее сняли с самолета прямо в аэропорту. Старший брат. Не объяснив причину.

Был большой скандал. Она уже выросла! Она уже взрос-

лая! Она хочет быть самостоятельной. Она не в заключении? Ее просто опять подавили своими порядками, определенными братьями и отцом. Глоток свободы не получился. Крылья мечты оборваны грубыми руками старшего брата. Она его ненавидела.

Опять в клетке. Но с возможностью переписки.

Они обменялись номерами телефонов с тем мужчиной и стали переписываться в общем чате мобильного мессенджера.

Это была уже как свобода. В мессенджере было больше возможностей, чем в чате игры. Быстрее и больше можно было написать, сказать, отправить фото.

Она не знала, как он выглядит, какого возраста, не слышала его голоса, но в ней крепла уверенность, что он – мужчина ее мечты, тот самый герой из книг. Русский. Понимающий. Умный, вежливый, юморной, смешливый, добрый. Образ его она воздвигла очень сильный и реальный.

Душе и ее сердцу хотелось летать или петь. Но не по принуждению, а самой, для любимого. Теперь уже полностью осознав, что она нашла его – своего мужчину. Для души. Своего наставника, учителя, друга. Он там в стране ее юности. Она его увидит когда-то. Только ему откроет сердце свое, совсем не холодное, а горячее и любящее. Она влюбилась. Вот так – по переписке. Узнав, что он старше ее, Рами соврала чуть – добавила себе два года к возрасту, чтобы быть еще ближе. Хоть так.

А фото свое она так и не смогла показать. Вместо этого она нашла в интернете чем-то похожую на себя арабскую актрису и послала ему – это я.

Она не обманывала, нет – она такая же. Только страх братьев не позволял отправить свое настоящее фото для него – русского мужчины. Он не настаивал никогда, не просил больше того, что она сама определяла для себя. Когда она заболела и сказала ему, написала о том, что лежит сейчас в кровати одна дома и скучает по нему, хотела притянуть его еще ближе к себе заботой о своем самочувствии, он спросил: – Как же ты так заболела? Тебе совсем плохо?

Вновь помог интернет – фото все той же актрисы в какой-то домашней одежде отправила ему, прокомментировав, что вот она с температурой сейчас такая.

Он пожелал ей поправляться. Так нежно и просто. Как желают друзья. Самые честные друзья. Откровенно. С сочувствием. Это не был обман с ее стороны. Подумаешь – фото не ее, но похожая ситуация – она тоже в плече и болеет.

Так они и общались все чаще и чаще. Ей стало это необходимо. Как воздух. Как пульс.

Один раз тот русский мужчина сказал, что пишет ей письмо. Где все расскажет о себе. Попросил у нее электронный адрес. Рами специально открыла имейл – у нее не было до этого случая, не с кем ей было переписываться. Дала его ему.

Он писал письмо несколько дней. Видимо, что-то очень

серьезное там хотел сказать ей. Рами не торопила, но он сам назначил день – в субботу придет. Рами была в нетерпении, очень волновалась. Она боялась, что, может быть, он откажется от дружбы с ней по каким-то причинам. Может быть, с ее стороны она допустила какой-то неловкий момент?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.